

ОДЕНЬИ СҚАЗҚИ

ИРИНА СЕЛИВАНОВА

Ирина Селиванова
Оленьи сказки
Серия «Ведьмин сад»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42020251
Оленьи сказки: SelfPub; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118301-1

Аннотация

В ту ночь из замка не вышел никто, но троим предстоит вернуться. Город, так легко отпустивший своих детей, не примет их обратно. Одинокой лесничей с колдовскими зелеными глазами, бродячему охотнику, боящемуся быть узанным, и олененку нет дороги назад. На скольких тропах предстоит заблудиться, чтобы понять, куда идти? Какая из молний озарит верный путь? Встреча с каким из чудовищ окажется встречей с самим собой? Никто не выйдет из прохладной чаши прежним. Кого-то ждут слава и почет, кого-то – встреча с прошлым, а кого-то – смерть. Вопрос только в том, хватит ли храбрости сделать первый шаг. Лес молчаливо хранит свои тайны, сказка начинается...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ирина Селиванова

Оленьи сказки

© shutterstock.com

© Ирина Селиванова, 2019

© Вельга Северная, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Оленьи сказки

*Может быть, каждый пропавший скоро придет
домой.*

Екатерина Битюкова

Глава 1

Неожиданный гость

От высоких каменных стен веяло холодом. Сквозь плотные занавеси на огромных окнах почти не проникал свет. Лишь узкая его полоска освещала старые семейные портреты в тяжелых золотых рамах.

– Гантарас, тебе не кажется, что они за нами наблюдают?

Арунас поежился и осторожно взглянул на большой портрет. На нем возвышалась статная фигура деда. Широкие плечи укрывал тяжелый темно-синий плащ, скрепленный серебряной брошью в форме ветвистых оленьих рогов.

– Они же давно мертвы. – Гантарас фыркнул. – Если тебе страшно – так и скажи.

– Нет! – Арунас гордо выпрямил спину.

На самом деле затея действительно казалась ему рискованной: тайно проникнуть в кабинет отца и достать настоящую карту для их игры. Арунас предложил это только для того, чтобы похвастаться смелостью перед младшим братом. Он не ожидал, что Гантарас согласится пойти и стащить карту, но теперь не мог отступить.

– Тогда тише, если ты не хочешь, чтобы нас кто-нибудь услышал.

Гантарас двигался осторожно, словно большая дикая кошка, озираясь по сторонам. Лохматые каштановые кудри обрамляли острое лицо с прямым носом и тонкими губами. Он ступал совсем неслышно, тогда как Арунас, хотя и старался быть тише, отчетливо слышал гул шагов, эхом отдающийся от каменных стен.

Арунас иногда по-доброму завидовал брату: ловкий, быстрый и смелый, он мог придумать интересную игру, всегда первым находил ответы на загадки и умел сочинять на ходу. Иногда Арунасу казалось, что из Гантараса вышел бы лучший король, умный и справедливый. Но он был старшим, и эта ответственность рано или поздно легла бы именно на его плечи.

– Видишь, все не так уж и страшно, мы пришли.

Гантарас достал из кармана синего камзола ключ. Арунас не без восхищения наблюдал, как он, чтобы получить его, ловко заболтал королевскую ключницу, рассказав ей о срочном поручении отца.

Небольшая светлая комната всегда хорошо отапливалась – король отличался слабым здоровьем. Так что в его кабинете тепло сохранялось еще долгое время после того, как он оттуда уходил. Стены покрывали панели из светлого дерева, а окна украшали небольшие витражи со сказочными сюжетами.

Больше всего Арунасу нравилась сказка о Благородном Олене и Хитром Змее. Они с братом так часто просили

няню прочитать им ее, что теперь знали почти наизусть. В витраже играли солнечные лучи, и маленькие темные глазки змеи напомнили Арунасу хитрый взгляд Гантараса, замышляющего очередную шалость.

На стене между окнами висела картина в круглой раме. Портрет красавицы, имени которой Арунас не знал, но каждый раз, когда смотрел на нее, надеялся, что однажды встретит такую же девушку – хрупкую, бледную, с веснушками, похожими на россыпь звезд.

– Арунас, только не засыпай, отец может скоро вернуться.

Гантарас сел за большой деревянный стол, рядом с которым стояло несколько кресел. Самых важных гостей король принимал лично и долго беседовал с ними за закрытыми дверьми. Иногда здесь же он встречался с советниками. Однажды он пригласил на совет Арунаса, и пусть тот не понимал всего, но рядом с отцом и среди советников почувствовал себя очень важным.

– Смотри, что я нашел. Это же настоящий приговор! – Глаза Гантараса сверкнули от восхищения.

– Дай мне. – Арунас потянулся за бумагой, но Гантарас отдернул руку. – Эй, ну что там такое?

Арунас попытался перехватить кисть брата и резко подался вперед. Чернильница покачнулась и опрокинулась, заливая стол и документы на нем безобразным черным пятном.

– Что ты наделал?! – Гантарас резко подскочил, подставляя руки и не давая чернилам разлиться дальше.

– Я не хотел! Оно само...

К глазам подступили горькие слезы. Король запрещал заходить в кабинет, а особенно – трогать документы.

– Отец накажет нас. Не возьмет на охоту. Но если я скажу, что пришел сюда один, то тебя не тронут!

Арунас шмыгнул. Он был старшим и нес ответственность за брата. Теперь он понимал это как никогда прежде.

– Какой же ты глупый. Нас накажут, если узнают, что это сделали мы. – Гантарас хитро прищурился.

– Но разве может отец не заметить такое?

– Конечно, нет. Он обязательно заметит. Мы сами расскажем ему.

– Но тогда наказания не избежать. – Арунас нахмурился. Он не понимал, чем вызвана довольная усмешка брата.

– Разумеется. Только накажут не нас. Мы скажем, что ключ от кабинета попросил посол. Сказал, что это по поручению отца. Вот мы ему и помогли. А что было дальше – мы не знаем.

– Думаешь, все получится? Ведь посол взрослый, стал бы он разливать чернила.

– Я уверен, что получится. Я слышал, как отец говорил, что посол вызывает у него подозрения. Вот пусть они и оправдаются.

Гантарас провел пальцами по пятну на столе. С того дня прошло много лет, но слугам так и не удалось вывести его. Оно осталось, как и воспоминания о давно ушедшем детстве. Гантарас вздохнул и прикрыл веки. Он не жалел. Он ни о чем не жалел.

– Ваше величество, я могу войти?

У двери стоял советник. Он был молод и не так давно получил свою должность, а потому старался работать с особым рвением.

– Проходи, Павилас. Я слушаю тебя.

– Ваше величество, я подготовил документ, который вы просили. А еще, если позволите, хотел сказать, что снова пришли благодарности в адрес лесничей. Она хорошо справляется со своими обязанностями, и это отмечают как охотники, так и наши гости. Недавно она позаботилась о семье графа, карета которого застряла в лесу. Без нее им пришлось бы там заночевать.

– Хорошо, думаю, она заслуживает награды. Разберись с этим, я подпишу необходимые бумаги.

Погода не нравилась Руте с самого утра. Солнце безжа-

лостно палило, а горячий воздух словно застыл. Верхушки сосен не двигались, и даже птицы кричали тише и реже обычного. Приближалась гроза. Ожидать ее стоило не раньше вечера, однако Рута решила поторопиться. Ей не хотелось попасть под дождь. Несмотря на то, что дни стояли теплые, осенние дожди грозили простудой, у Руты сейчас было много работы.

Она хорошо знала и чувствовала свои владения. Прошлой зимой большая охота на волков нарушила равновесие: теперь в лесу развелось как никогда много оленей. Они осмелели и в поисках пищи заходили теперь гораздо дальше своих привычных мест обитания. Пару раз Рута видела их даже на лужайке прямо перед домом. Ей нравилось наблюдать за ними через окно, но стоило выйти во двор, как они пугливо поджимали уши и скрывались между деревьями.

В лесу было спокойно, после обеда духота спугнула даже охотников. Руте особенно нравились эти часы. Шум напоминал о дворце, где ни на минуту не замолкали кокетливый смех, сплетни и бесконечные обещания, которые, конечно же, никто не собирался выполнять. Тем контрастнее выглядел лес: спокойный и величественный в своей безмолвности.

Домой Рута вернулась, когда небо уже заволкло тяжелыми черными тучами. Духота сменилась резкими и сильными порывами ветра, так что приходилось плотнее кутаться в жилет из шерсти. Он почти не грел, шерсть повытерлась от старости, но Руте никак не удавалось дойти до портного. Или

не особо хотелось. Визиты в город она не любила и старалась откладывать их настолько, насколько это возможно. Почти все необходимые овощи она выращивала в небольшом огороде под окнами, а последние новости приносили охотники.

Впрочем, ничего нового в королевстве не происходило уже много лет. Последнее яркое событие – нападение на королевскую семью – обсуждали недолго. Престол скоро занял один из родственников короля, и все успокоилось. Конечно, слухи и домыслы о случившемся не умолкали еще долго, но Руту мало волновали такие вещи. Главное, чтобы не протекала крыша, не горел лес, а к обеду не пустовал стол.

Ветер протяжно гудел, а за окном принялся моросить дождь. Рута затопила печь и зажгла свечи. Такая погода угнетала ее, нагоняя тоскливые мысли и воспоминания. Она не то чтобы чувствовала себя одинокой, ей нравилась ее размеренная и тихая жизнь, но иногда словно не хватало чего-то, но объяснить – чего, она не могла даже самой себе.

Огонь разгорался, в печке приятно потрескивали поленья, а в котелке закипала вода. От пламени комната наполнилась приятным оранжевым светом, и теперь Рута чувствовала себя по-настоящему уютно. Она перебирала засушенные на чай травы, отмечая, что ее любимой мяты осталось совсем немного, да и листьев смородины, которых ей и так почти не удалось собрать, едва ли хватило бы на один котелок. Сама Рута не очень любила вкус и запах смородины, но одному из знакомых охотников нравился чай только

с ней, пусть и приходил он далеко не за чаем.

От раската грома Рута вздрогнула. Она не боялась грозы, но в этот раз непогода бушевала с особой силой. Сосны гнулись, а дождь безжалостно ударял по земле крупными каплями. Она слышала треск деревьев: такой бури многие, особенно самые старые, могли не выдержать. С утра нужно будет обязательно проверить дорогу: убедиться, что проезжающие путники не останутся пленниками в лесу.

Гром ударил вновь, гулко и резко, но стоило ему затихнуть, как Рута различила новый звук. Робкий и едва уловимый, будто кто-то очень легкий топтался у порога, почти не задевая скрипучие ступени. Рута сосредоточенно прислушалась. Нет, ей не послышалось, кто-то стоял прямо у дверей. Но почему не стучал? Едва ли столь легкий гость мог представлять опасность, и все же она нахмурилась. Она не любила сюрпризы. Топот не прекращался; гость, кем бы он ни был, не собирался уходить.

– Кто здесь? – громко спросила она, стараясь звучать как можно увереннее.

Ответа не последовало, лишь жалобно скрипнула ступенька, когда очередная молния ярко осветила небо. Руте не нравилась неизвестность, внутри все сжалось, подступал страх. Она глубоко вздохнула.

– Я не буду спрашивать второй раз. Можете назвать себя или стоять под дождем хоть всю ночь.

На миг повисла тишина, а со следующим раскатом что-то

рухнуло на ступени. Рута резко распахнула дверь – не хватало только стать виновницей чьей-то гибели. Она ожидала увидеть почти что угодно, но на пороге лежал всего лишь олененок. Тонкие ноги беспомощно разъехались в стороны, уши были прижаты к голове. Рута осторожно опустилась на корточки и прикоснулась к шерсти. Насквозь мокрый зверек крупно дрожал, худенькая грудь часто вздымалась. Малыш был напуган, но все еще жив. Когда она провела рукой по шее и поднялась к мордочке, олененок вздрогнул, распахнул огромные глаза и отдернулся.

– Тише ты, трусишка. – Рута протянула руку, подняв ладонью вверх, и позволила себя обнюхать.

Оленят она видела много раз: хрупкие и трусливые, они редко отбивались от стада. И как этот олененок оказался здесь? Впрочем, это уже не имело значения. Она осторожно приподняла тощее тело и перенесла в дом, а после плотно закрыла дверь. Олененок лежал неподвижно и только испуганно оглядывался.

– Лучше, чем на улице, правда? Ну не бойся, я тебя не трону. – Рута мягко потрепала его по холке и принесла большую теплую шкуру.

Олененок не двигался, лишь уши вздрагивали от каждого шороха. Рута не без интереса наблюдала за внезапным ночным гостем и все больше задумывалась. Стоял октябрь, олененок выглядел слишком юным для прошлогоднего выводка, но никак не мог принадлежать к новому, ведь он появил-

ся бы не раньше середины мая.

– И откуда же ты такой взялся? – Она прищурилась.

Что-то было не так. Щекочущее ощущение внутри, которое редко подводило ее, сейчас отчаянно пыталось сообщить о чем-то. Рута отхлебнула чай, который успел остыть, и наморщила нос. Нужно было ложиться спать. Она точно знала: с утра любая ситуация выглядит иначе, да и сейчас она все равно не могла ничего сделать. Рута в последний раз взглянула на совсем затихшего олененка и потушила свечи.

Следующим утром она проснулась раньше обычного. Всю ночь ей снились тревожные сны, она металась по кровати и несколько раз поднималась, чтобы попить воды. Небо уже окрасили первые рассветные лучи, мокрые сосны и трава блестели, а воздух еще хранил ночную прохладу. Рута закуталась в жилет и осторожно вышла из дома. Такому юному олененку нужно было молоко, и теперь, хотела она того или нет, ее путь лежал в город. Доярки уже не спали, она могла успеть к ним одной из первых. Сама Рута не любила молоко, но как-то раз ей пришлось выкармливать барсука, так что она знала, где можно достать свежее молоко.

Она сделала большой крик, но прошла по основной лесной дороге и убедилась, что ни одна из упавших сосен не перегородила путь. Сказалась умелая работа лесорубов, которым она недавно указала на засохшие деревья. На мгновение Рута довольно улыбнулась уголками губ, но, хотя в ее списке и стало на одну проблему меньше, она волновалась. Уход за олененком не входил в ее планы, ей нужно было собирать семена для саженцев и делать заготовки на зиму, а это занимало время, много времени, которое теперь ей нужно было распределять заново.

Полноватые доярки с розовыми щеками и влажными от пота лбами громко сплетничали, заканчивая свою работу. Но стоило Руте подойти ближе, как они притихли и внимательно уставились на нее. Она знала, что ее обсуждают, мало кто мог принять женщину, живущую в лесу в одиночку. Кто-то приписывал ей неудачный роман в прошлом, кто-то считал, будто она впала в немилость правителя – Руте было все равно. Ее даже забавляли мысли о том, что смогут придумать эти женщины, узнав, за чем она пришла.

– Здравствуйте, ведро молока, пожалуйста.

– Здравствуй, тебя давно не видели в городе, да и выглядишь уставшей. Не случилось чего? – Голос звучал до тошноты учтиво, но прищуренные глаза и и усмешка на губах выдавали истинный интерес доярки.

– Пытаетесь понять, не для ребенка ли это молоко? Нет, увы, я все еще одна. А вам придется раздобыть другие сплет-

ни к завтраку. – Рута оставила монеты и развернулась. Она чувствовала на спине прожигающие взгляды.

По дороге домой Рута купила яиц и яблок: близилась вторая среда месяца, а в это время у нее обычно бывали гости. Она редко пекла что-то для себя, но угощать гостей было делом привычки, оставшейся, возможно, еще с тех времен, когда мать пыталась вырастить из нее достойную невесту и будущую хозяйку. Точно она не помнила, да и большинство полезных навыков получила только тогда, когда начала жить самостоятельно.

Поначалу работа с утра и до глубокого вечера, требующая так много знаний и сил, пугала ее и заставляла тихонько оплакивать свою незавидную участь, но после Рута увидела и другую сторону. Лес мог быть внимательным слушателем, осторожным наблюдателем и ласковым утешителем. Постепенно она научилась слышать его голос, состоящий из скрипа шишек под ногами, трелей птиц, шелеста листьев. Он успокаивал и дарил ощущение защищенности. Лес был ее царством, и здесь Рута чувствовала себя по-настоящему счастливой. Порой ее даже радовало то, что пришлось оставить привычный ритм жизни, ведь только сейчас она смогла взглянуть на привычные в прошлом вещи со стороны. И увиденное ей не понравилось.

Когда Рута вошла в дом, она настороженно прислушалась. Время, проведенное в лесу, обострило ее слух, и теперь она умела различать самые тонкие звуки. С утра она отчетливо

слышала тихое посапывание олененка, сейчас же стояла подозрительная тишина. Рута аккуратно закрыла дверь и прошла внутрь. Олененок едва ли мог устроить в доме разгром, в отличие от юрких белок или сусликов, но стоило быть готовой ко всему. Лесные жители имели свои нравы и с трудом приспособлялись к жизни в доме, стремясь установить свои порядки.

Рута не знала, как можно позвать оленя, на ум приходило только привычное «кис-кис», однако думать долго ей не пришлось: олененок стоял около трюмо и внимательно разглядывал содержимое столика. Глаза его были широко распахнуты, и в них бликами отражались солнечные лучи, создавая впечатление, будто зверек испытывает неопишуемый восторг от увиденного. Рута не сдержала улыбки: то, что перед ней девочка, она поняла еще вчера, но уж никак не ожидала от нее такого женского интереса. Она осторожно сделала шаг вперед, но старая половица громко скрипнула, и олененок испуганно отскочил в сторону и забился в угол.

– Не бойся, глупенькая, я тебя не осуждаю. Не поверишь, но раньше и я с такими же глазами стояла у зеркала. – Рута говорила тихо и медленно, чтобы не испугать олененка еще больше.

Она плавно опустилась на колени, ведь из-за разницы в росте выглядела угрозой.

– А я принесла тебе подарок. Не духи и не украшения, конечно, но думаю, тебе понравится.

Олененок пристально смотрел на нее, и Рута невольно по-жилаясь: взгляд выглядел очень осмысленным. Она знала: олени совсем не глупые, но все же умение проникновенно вглядываться в глаза собеседника было присуще только людям, пусть и не всем. Руте казалось, олененок прямо сейчас начнет говорить, и ее бы совсем это не удивило, слишком уж серьезной и сосредоточенной чудилась мордочка перед ней.

Несколько минут они молча глядели друг на друга. Олененок медлил и только мялся в углу, и тогда Рута осторожно протянула руку вперед.

– Я тебя не обижу, ты в безопасности.

Рута старалась вложить во взгляд и голос всю мягкость, что у нее нашлась. Почему-то сейчас, когда она стояла перед напуганным детенышем, ей было очень важно, чтобы ей доверились, приняли, ответили на ее тепло. Глубоко внутри все болезненно сжималось от осознания того, что она снова может оказаться отвергнутой. Прошлые обиды так некстати решили напомнить о себе.

Рука подрагивала, время тянулось как никогда медленно, и Рута уже готова была сдатьсь, как вдруг в раскрытую ладонь ткнулся холодный мокрый нос. Она осторожно провела рукой по мордочке, и олененок доверчиво зажмурился. Рута сама не знала почему, но внутри разлилось приятное тепло. Давно забытое ощущение щекотало ее, и она никак не могла подобрать нужного слова.

– Пойдем, ты наверняка хочешь есть.

Рута плавно поднялась, и олененок покорно последовал за ней. Она знала: в юном возрасте олени порой привязываются к людям так сильно, что могут ходить рядом повсюду, почти как собаки, однако и подумать не могла, как быстро они приручаются. Что-то было не так, она все больше убеждалась – предчувствие не обманывало.

Рута вымочила кусок хлеба с зернами в молоке и положила в миску. Этому ее научил бывший лесничий: маленькие оленята постепенно приучались к более твердой пище, а всасывание молока из хлеба напоминало им естественный процесс кормления. А пока олененок принялся за еду, занялась готовкой.

Шарлотка удавалась ей лучше всего, и Рута готовила ее столько раз, что почти не задумывалась о процессе. Мысли ее были далеко от небольшого домика в лесу и пирога. Маленький олененок бесцеремонно нарушил ее привычное одиночество, и она начала чувствовать его особо остро. Рута столько раз убеждала себя: ее жизнь – это ее личный выбор, и все же лесничую не покидала горькая мысль о том, что выбора ей не оставили.

Когда она случайно дотронулась до раскаленного подноса, грустные мысли отступили, вновь вернув ее в реальность. Рута быстро поставила пирог на стол и коснулась кожи губами. Боль медленно утихала, а дом наполнялся сладким запахом. Олененок подошел ближе и уставился на горячее лакомство. В огромных глазах светилось уже не любопытство,

а предвкушение. Рута снова улыбнулась.

– Ну-ка, дружок, это не тебе. – Она потрепала олененка за ухом.

И без того длинная и острая мордочка вытянулась еще сильнее. Рута поежилась, слишком уж он напоминал ей ребенка, маленького и капризного, в сознании которого просто не существовало реальности, где сладости могли достаться не ему.

– Я жду гостей, понимаешь? Нельзя же подать к столу надкусанный пирог.

Рута сказала это больше для себя, но, кажется, олененок понял, довольно прищурился и вновь отправился изучать дом. Рута свела брови. Такое поведение странное, слишком странное, но, может, сказалось долгое одиночество, и она просто надумывала? Или усталость. У лесничих набиралось не так много выходных, да и ей не нравилось сидеть без дела, и она старалась занимать каждую минуту.

В любом случае всему существовало разумное объяснение, это Рута знала точно, как и то, что разобраться в любом деле помогала уборка. Вместе с порядком на полках в ровные ряды выстраивались и мысли, а с легкостью и чистотой приходили и новые идеи.

Она увлеченно стирала пыль с фолиантов, когда услышала тяжелые шаги. Еще до стука в дверь она узнала Кесту́тиса, он ступал твердо и уверенно, точно зная – его ждут. Рута оставила полотенце и подошла к трюмо – поправить чуть

растрепавшиеся косы. Охотник зашел именно сегодня очень кстати – он мог бы помочь выстроить небольшой загон во дворе, да и Рута чувствовала себя немного неуютно в компании странного гостя.

Громко заскрипела половица – охотник вытирал грязные сапоги, и Рута пошла к двери.

– Не открывай.

Она замерла. По коже пробежал холодок. Голос принадлежал не Кестутису, и он раздался... за ее спиной.

Глава 2

Таверна «Кривой рог»

Йонас пригнулся, уворачиваясь от подгнившего помидора, и мысленно порадовался, что это был не табурет или нож. В таверне «Кривой рог» случалось и не такое, потому никто из приличных жителей не заглядывал сюда без надобности. Зато весь сброд королевства она привлекала, как вяленое мясо – мух. Здесь можно было дешево поесть, почти бесплатно провести ночь, урвать сувенир в драке и, главное, узнать последние сплетни.

Хозяин таверны, грузный и краснощекий, никогда не выбирался далеко, но отличался любопытством, так что в «Кривом роге» существовало одно правило: не можешь заплатить за еду деньгами – расскажи байку. За увлекательную историю можно было получить кружку пива и хороший кусок мяса, однако тем рассказчикам, которые утомляли публику или придумывали совсем уж небылицы, доставались только тумачи.

Испытать это правило представилась возможность и Йонасу. Ему повезло, подвыпившие посетители с удовольствием приняли рассказ о том, как он встретил и одолел сразу двух медведей. И хотя сам он видел медведей лишь на картинках, а об охоте на них слышал урывками, ему удалось сде-

лать историю достаточно убедительной. Йонасу верили, всегда верили, и, возможно, из него вышел бы отличный актер в королевском театре, но жизнь сложилась иначе, и сейчас он пробирался к своему любимому углу в таверне.

Любимым его сделало почти полное отсутствие света. Не то чтобы Йонас боялся быть узнанным – с длинными волосами и густой бородой его едва ли узнала бы родная бабушка, да и его бывшие знакомые такие места не посещали – просто так ему было спокойнее. Никто не обращал внимания на покосившийся темный столик в углу, как будто его там и не было, и Йонасу это нравилось. Сотни взглядов, прикованных к нему, преследовали его в ночных кошмарах, и порой он вздрагивал, когда кто-то слишком громко называл его имя.

В таверне «Кривой рог» каждый имел право быть тем, кем хотел, и за это Йонас любил ее. Первое время ему докучали местные распутные девицы, но быстро смекнув, что денег у него нет, и они оставили его. К компаниям Йонас не подсаживался сам. Хотя сейчас внешний вид никак не выделял его из толпы, он никогда не считал себя одним из них. Обученный вести себя с дамами, Йонас умел танцевать и прочитал достаточно книг для того, чтобы сойти за благородного молодого человека. И место его было не здесь.

Йонас вытер скамью и стол тряпкой. Он знал: уборка – последнее, о чем думает хозяин таверны, а мысли о том, какая грязная и пьяная морда сидела – или даже лежала – здесь до этого, отбивали всякое желание есть, пусть он и был голоден.

Последние годы Йонас ощущал голод постоянно. Это было не то холодное и липкое чувство, которое не дает вдыхать полной грудью и мечтать о чем-либо, кроме куска хлеба, нет. Но Йонас питался скудно и порой старался просто не думать о том, из чего сварена его похлебка.

Впрочем, его дела могли обстоять еще хуже, и он не мог даже представить, что было бы, если бы ему не удалось договориться с лесничей и продолжить охотиться. Тогда, наверное, ему осталось бы лишь торговать телом. Или того хуже. Он хорошо помнил свою встречу с Рутой: красивая и статная женщина с тугими черными косами, она действительно выглядела хозяйкой леса, холодный взгляд зеленых глаз прожигал, а плотно сомкнутые губы красноречиво свидетельствовали об ее отношении к легкому флирту.

Тогда Йонас растерял все природное обаяние и, как провинившийся мальчишка, во всем признался. Рута могла выгнать его и запретить ему появляться там, ведь должности охотника у него больше не было, как и права стрелять дичь в королевском лесу. Но она поступила иначе и, узнав, что идти ему некуда, даже пригласила к себе. Однако Йонас неправильно понял ее щедрое предложение и быстро оказался за дверью. К его счастью, дверь в ее дом не закрылась для него навсегда, и, пусть теплыми друзьями они так и не стали, он мог прийти к ней на чай и обсудить последние новости.

Суп из оленины пах скверно, иногда Йонасу думалось, что готовят местные кухарки вовсе не из оленей, а из крыс, ко-

торые то и дело сновали между табуретками. Его утешала лишь мысль о том, что он лично доставлял тушки оленей на кухню, и надежда, что именно их используют для блюд, все-таки была. Йонас и сам умел неплохо готовить, и в хорошую погоду он жарил мясо на костре.

В один из таких дней Йонас и познакомился с Мортой. Она вышла из леса и совершенно бесцеремонно устроилась прямо у его ног. Тогда Йонасу удалось достать всего лишь зайца, и делиться добычей он не намеревался. Он четко высказал свою позицию, но огромная добродушная морда категорически не согласилась и в ответ уставилась на него жалобным взглядом, тихо поскуливая. Отказать даме Йонас не смог.

С тех пор у него жила собака, хотя сама Морта могла бы с этим поспорить. Она исчезала и появлялась по своему желанию, и Йонас не знал, что подсказывало ей, где его искать. В любом случае ходить по лесу в компании было веселее, и, хотя Морта не принадлежала к охотничьим породам, они отлично находили общий язык. Она словно чувствовала, когда ночь будет особенно холодной или тоска – невыносимой, и всегда оказывалась рядом. Йонас по-своему заботился о Морте: делился мясом, купал и незаметно проводил внутрь таверны, когда за окном бушевала непогода.

Последнюю ложку супа Йонас залил в себя через силу: он не знал, когда и где сможет в следующий раз нормально поесть. Стоял октябрь, погода была особенно непредсказуемой.

Еще днем держалась невыносимая духота, он едва шел по лесу, а уже сейчас за окном бушевала гроза. Дождь с силой хлестал по старому окну, капли подтекали через неплотно закрытые рамы.

Йонас не планировал задерживаться в «Кривом роге» надолго, но теперь ему не хотелось уходить из дурно пахнущего и неудобного, но все-таки помещения. Он натянул капюшон на лицо и прилег на стол, положив руки под голову. Денег на постель у него не было, оставалось надеяться, что хозяин смилостивится и не станет выгонять посетителей в такую непогоду.

За соседним столом сидела компания из четырех человек. Как Йонас ни старался, он не смог разглядеть их одежду достаточно для того, чтобы понять, чем они занимаются. Впрочем, сейчас все они занимались только одним – выпивали. И Йонас бы не обратил на них внимания, если бы не одна мелочь: в отличие от всех посетителей «Кривого рога», которые громко горланили, лапали обслуживающих их девиц и жаловались на жизнь, эти сидели тесным кругом, склонившись друг к другу, и говорили не так громко, как остальные.

Йонас подумал, что именно так могли бы выглядеть заговорщики. И, хотя он никогда не считал себя любопытным, ему стало интересно, о чем они говорят. Он осторожно подвинулся ближе и прислушался. Точно разглядеть, кто именно говорит, было невозможно, но сам разговор Йонас слышал отчетливо.

– Побоялся бы о таком говорить! – Голос звучал возбужденно и немного испуганно, будто говоривший только что услышал что-то недопустимое.

Йонас заинтересовался еще больше. Разве существовали темы, которые нельзя было обсуждать в тавернах?

– А кого бояться? – Собеседник замолчал, видимо, пережевывая кусок, а после уверенно продолжил: – Неужели ты думаешь, что в таких местах бывают королевские шпионы? Может, он шпион? – Он указал на мужчину, расплывшегося на столе и посиневшего от выпивки.

Компания шумно рассмеялась.

– Ну хорошо, но ты действительно думаешь... – Он замылся, не решаясь произнести чего-то вслух.

– Что наш король не так хорош, как кажется? О да! Он хитрая морда, кто бы там и что ни говорил.

– Тише, Вилкас!

– А ты мне рот не затыкай, – еще больше раззадорился собеседник. – Вот что ты знаешь о короле Гантарасе? Ну, скажи?

– Хотя бы не произноси имен, – почти зашипел говорящий – он явно нервничал. – Я знаю не больше других. Он пришел после трагедии и сильно сокрушался о погибшей семье брата.

– Ну конечно, он сокрушался! – бесцеремонно перебил его Вилкас. – Не мог же он радостно запрыгнуть на трон и устроить праздник в свою честь.

Сидящие за столом вновь рассмеялись.

– Король искренне переживал из-за случившегося. Стал бы он иначе так заботиться о судьбе пропавшей принцессы? Ведь это он приказал учредить ежегодный праздник в день ее рождения, а по всему королевству развесить плакаты. Если бы его интересовал только трон, он был бы рад тому, что наследница сгинула.

– Линас, я искренне надеюсь, что твою голову туманит алкоголь, а иначе мне придется в тебе разочароваться. Как же ты не понимаешь? Всю королевскую семью в тщательно охраняемом замке внезапно вырезают разбойники, а рядом так кстати оказывается брат погибшего короля, который как раз невероятно удачно вернулся из странствия, умирил все бунты, успокоил испуганных и – так уж быть – согласился взять на свои плечи бремя власти. Он и так был под подозрением. Слишком уж хорошо для него все сложилось. Почтить погибшего брата и устроить весь этот цирк вокруг принцессы – это меньшее, что он мог сделать для спасения своей репутации.

Йонас нахмурился. Он никогда не задумывался о том, что именно произошло в замке. Ему не нравилось возвращаться в эти стены даже мысленно, и, может, после смерти бывшего короля Йонасу стало немного легче. Трагическая гибель королевской семьи потрясла всех, в замке перестали вспоминать о чем-либо еще, да и вместе с новым королем обновилась и знать, а также некоторые советники и даже охотни-

ки, и теперь Йонас чувствовал: он мог бы попробовать вернуться. Нужен был только повод. Но, несмотря на все это, думать о том, что король Гантарас намеренно убил семью брата, было неприятно. Может, Вилкас все-таки ошибался? Йонас вновь прислушался.

– К тому же, Линас, – заговорщицким тоном продолжил Вилкас, – все эти твои восторги из-за якобы заботы о пропавшей наследнице тоже весьма сомнительны.

– И почему же? Разве я в чем-то солгал?

– Нет, ты сказал все правильно, принцессу действительно ищут, но ты никогда не думал, для чего?

– Не думал, – раздраженно ответил Линас, – но это не моя забота – разбираться, что делать с наследницей. Отдать замуж и...

– И сделать королевой? – вновь перебил его Вилкас. – Ха, черта с два. Гантарас нашел себе теплое местечко и не слезет с него. Да и слышал я кое-что. Милда моя общается с прачками из замка, и она рассказывала мне, что в ту ночь, когда случилось нападение, в замке была ведьма. Как там ее? Имя такое женское, как пудра или выдра. – Вилкас задумался.

– Аўдра, – внезапно к разговору присоединился новый голос. – Я ее знаю, моя жена ходила к ней за какими-то травами. Да и не только она. Говорят, королева была с ней дружна.

– Спасибо, Купрос. Так вот: говорили, будто ведьма, чтобы спасти принцессу, спрятала ее душу в вазочку. Вы помните эти вазочки, белые такие, с маками, их раньше да-

рили всем девушкам, я сам своей Милде дарил?

– Я помню, – вновь отозвался Купрос. – Только что-то не видно их давно, я хотел дочке купить и не нашел.

– То-то же! – довольно вскрикнул Вилкас, и Йонас, прежде напряженно вслушивающийся, вздрогнул от неожиданности. – С тех пор этих вазочек нигде не видно. И я ни на что не намекаю, но Линас так уверен в честности нашего любимого короля...

– И продолжаю быть. Ведьмы – выдумка, а эти вазочки всего лишь вышли из моды. Будто ты не знаешь, как быстро меняются женские вкусы.

– Я знаю только то, что ты зануда. – Вилкас ударил Линаса в плечо, и они оба потянулись к кружкам.

В голове у Йонаса никак не укладывалось услышанное. И дело было даже не в возможных намерениях короля. Нет, будоражило Йонаса другое: он всегда считал пропавшую принцессу погибшей. Разве могла маленькая девочка, даже если она и сбежала из замка, выжить в одиночку? Да и всем было известно: ни одна живая душа не вышла за ворота в ту ночь. Но теперь все изменилось. Ведьма. Как Йонас мог не подумать о ведьме?

Йонас, как никто другой, был уверен в том, что ведьмы существуют. Он своими глазами видел, как старуха обратила в белку мальчишку, который воровал яблоки из ее сада. И пусть никто не верил ему, а мальчишка через несколько дней вернулся человеком и отказывался сознаваться, Йонас

знал: ему не привиделось. И что мешало ведьме и в ту роковую ночь выпустить принцессу из замка ласточкой или воробьем?

И вновь идея, которую он давно оставил как безнадежную, загорелась в его сознании. Он мог вернуть принцессу домой. За это король, конечно же, щедро наградил бы Йонаса. Может, даже сделал бы его герцогом, и тогда никто не посмел бы вспомнить о его прошлом. Он стал бы героем, а героям положена только слава. И, быть может, все невзгоды вели его именно к этому? Йонас мечтательно улыбнулся.

С небес на землю его вернул резкий взрыв хохота. Он вновь прислушался к компании, надеясь уловить еще какую-нибудь зацепку.

– Ну ладно, оставим споры, я могу вам рассказать такую байку из замка, что вы все лопнете от смеха. Вы слышали про принца?

Йонас почувствовал, как внутри резко похолодело. Он вскочил и едва не уронил стол. Пусть на него обернулась почти вся таверна – историю про принца он знал слишком хорошо, чтобы слушать ее еще раз.

Яркое солнце, отражаясь в окнах, слепило глаза. Арунас зажмурился лишь на мгновение и едва не пропустил удар. Гантарас, пусть и не был мастером клинка, двигался ловко и быстро. Он никогда не придержививался определенной тактики, стараясь измотать, а после обезоружить неожиданным выпадом.

Арунас тяжело дышал. Воспользовавшись небольшим замешательством, он отер со лба пот. Соленые капли попали в глаза, заставляя щуриться, а ему требовалось все внимание. Будучи от природы выше и сильнее, он мог рассчитывать на легкую победу, но для этого должен был выбрать подходящий момент.

– Если ты устал, можешь сдаться!

Гантарас довольно улыбался. Влажные кудри липли к лицу, ноздри часто раздувались.

– Только не сегодня. Не могу же я опозориться перед будущей женой.

Арунас сделал резкий выпад, но Гантарас сумел уклониться и, почти танцуя, оказался у него за спиной.

– Не волнуйся об этом. Любая мечтает выйти за будущего короля. Слышал бы ты, как по тебе вздыхают дамы на балу.

Арунас смущенно отступил. Он замечал взгляды, обращенные в его сторону, но ему казалось, юные красавицы смеются над ним. Высокий и рослый, с копной каштановых волос, он напоминал себе медведя – косолапого и неловкого.

– Ты путаешь меня с собой. Ведь именно тебе не отказывает в танце ни одна красавица.

– Только потому, что я не наступаю им на ноги.

Гантарас встряхнул головой и, довольный собой, пропустил удар. Арунас приставил лезвие к шее брата.

– Кажется, мне будет чем похвастаться перед Юра́те. – Он широко улыбнулся. Заморская красавица с бледной кожей и нежной россыпью веснушек на лице и плечах заслуживала побед.

– Ошибаешься.

Гантарас посмотрел вниз, и Арунас, последовав за его взглядом, заметил клинок, приставленный к животу.

– Но так нечестно! – почти обиженно воскликнул Арунас.

Правила поединка не подразумевали использование клинков.

– То, что ты старше и сильнее, тоже нечестно. И все же я победил.

Гантарас всегда был хитрецом. Арунас фыркнул и дружески толкнул брата в плечо. Он не хотел бы оказаться на месте его настоящего противника.

Глава 3

Ожившая легенда

Сквозь пелену тумана она с трудом могла разглядеть собственные руки. Бледно-серая дымка струилась и заполняла все пространство. Сердце учащенно стучало. Она осторожно шагала вперед, озираясь на мелькающие то тут, то там тени. Влажный сгустившийся воздух поглощал все звуки, но она отчетливо чувствовала запах. Свежий и одновременно яркий и терпкий, он щекотал нос с каждым легким дуновением ветра. Мягкий ковер под ногами приятно покалывал стопы.

Восторг и трепет смешались внутри, и она точно знала, что должна быть здесь. Внезапно в торжественную тишину вплеся голос. Нежный, глубокий, сливающийся с туманом и обволакивающий все вокруг. Кто-то звал ее, она чувствовала это, пусть и не могла разобрать слов. Голос был ей знаком. Она зажмурилась, изо всех сил стараясь вспомнить...

– Олененок!

От внезапного громкого звука она вздрогнула и резко открыла глаза. Олененок потеряла глаза и растерянно проморгалась, прежде чем сумела осмысленно посмотреть на Руту.

– Сколько можно спать? Я успела подоить козу, сходить в лес и переписать пару страниц. Может, ты действительно принцесса? – Она старалась говорить строго и смотреть осуждающе, но всерьез ругаться на Олененка не могла.

– Так и есть! – Она нахмурилась и хотела добавить еще что-то, но вместо этого не сдержалась и зевнула.

Рута улыбнулась и окончательно растаяла. За Олененком было трудно наблюдать без улыбки: тонконогая, веснушчатая, с огромными карими глазами, она никогда не сидела на месте. Все вокруг казалось ей интересным, будь то скрипучая постель, на которой она с удовольствием прыгала, чтобы слушать звук снова и снова, или даже графин, гранями которого можно было ловить солнечные лучи и пускать их плясать по всей комнате.

Олененок, казалось, жила в совершенно ином мире, где не было места проблемам, заботам или грусти, и это Руте нравилось в ней больше всего. Одним своим присутствием она согревала дом, а ее неутомимости могли позавидовать белки и кролики в лесу.

– Рута, я хочу есть!

Рута задумалась лишь на пару минут, а звонкий голос раздавался уже из кухни. Олененок сбежала из постели, завернувшись в простынь, и в любом другом случае Рута отругала бы за такое, но она пришла к ней обнаженной, ничуть этого не стесняясь, так что приучить ее надевать на себя хоть что-то было уже достижением.

– Я оставила тебе кувшин молока и хлеба с вареньем, они на сто... – начала было Рута, но, заметив молочные усы над тонкими губами, прервалась на полуслове.

– Очень вкусно, но я хочу еще. – Олененок облизнулась и выжидающе посмотрела.

Рута только вздохнула. Она не переставала удивляться тому, как столь хрупкая девушка могла за пару дней съесть целый котелок каши или оставлять лишь крошки от пирогов. Порой Руте казалось, что даже ее сбережений не хватит на то, чтобы прокормить гостью. Выручала только коза, которую она купила вместо новой шубы. Старая, пусть и почти не хранила тепло, по крайней мере не смотрела на нее жалобными голодными глазами.

Самым сытным в доме Руты было мясо, его ей приносили заглядывавшие в гости охотники, но на него Олененок отказывалась даже смотреть. Как, впрочем, и на самих охотников. Они пугали ее, и в день знакомства она так и не позволила Руте открыть дверь, расплакавшись и спрятавшись за большой спинкой стула.

В этом Рута могла ее понять. Наверняка, будь она оленем, она бы тоже не жаждала встреч с охотниками и уж точно не находила бы их привлекательными. Не понимала она другого: кто такая Олененок и откуда взялась. В магию Рута не верила никогда; пусть многие за глаза и называли ее лесной ведьмой, она точно знала: все дело в свойствах трав или коры, но никак не в заговорах старух.

И сейчас убеждения заводили ее в тупик. Олененок бегала по дому, ела, разговаривала и рушила привычный мир Руты одним своим существованием. Сколько она ни пыталась добиться от нее хоть чего-то, в ответ получала лишь растерянный взгляд. Олененок серьезно задумывалась, посасывала палец и с блеском в глазах выдавала только одно: она принцесса.

Принцесса и больше ничего. Олененок не знала ни своего имени, ни возраста, даже назвать дату не смогла, лишь нахмурилась и предположила, что стоит осень, ведь за окном в то время лил дождь. Рута терялась все больше и больше, но спросить совета у людей не могла, а лес молчаливо хранил свои тайны.

– Рута, а можно у тебя спросить?

Олененок вытерла ладонью лицо и с ногами забралась на стул, обняв колени.

– Я слушаю.

– Откуда ты знаешь мое прозвище?

– Прозвище? – Рута приподняла бровь, не до конца понимая, о чем речь.

– Да, ты называешь меня Олененком. – Она задумчиво прикусила губу и опустила взгляд. – Я помню, что так меня называли раньше. И если ты тоже, может, ты знаешь моих родителей?

Она подняла голову и с надеждой посмотрела на Руту – внутри у той все сжалось. Ей не хотелось ранить Олененка.

Такая нежная и наивная, она искренне верила во все услышанное, и любые неосторожные слова могли причинить ей боль. Рута старалась защитить ее от мысли о том, что ее бросили. Слишком хорошо она сама помнила это раздирающее изнутри ощущение ненужности.

– Все может быть, Олененок. – Рута подошла и потрепала девушку по волосам.

Съевшаяся и взъерошенная после ночи, она была похожа на лесного зверька, но, в отличие от них, никогда не отказывалась от ласки.

– Рута, но ведь они должны искать меня, да? Они же любят меня, значит... – Вечно звонкий и задорный голос сейчас звучал непривычно робко. Непрошенные мысли, хотела Рута того или нет, настигали Олененка.

– Я тебя люблю, – прервала ее Рута и, следуя внезапному порыву, крепко обняла. – Можешь ни о чем не беспокоиться. Или тебе не нравится у меня?

– Очень нравится. – Олененок прижалась к ней и уткнулась носом в ее шею.

– Даже очень? – Рута поднялась и хитро прищурилась. – Так ты никогда от меня не уйдешь. Непорядок, а не пора ли тебе купаться?

Олененок широко распахнула глаза, и Рута заметила, как она сжала ладони и вытянулась, словно струна, – готовясь сорваться с места в любой момент. Небольшая темная пристройка, которая служила баней, не нравилась Олененку,

а необходимость мыть длинные волосы и вовсе приводила в ужас.

Но больше, чем полутьма, слишком горячая или холодная – как казалось Олененку – вода, банный веник и пауки, ее пугало зеркало, перед которым Рута расчесывала ее после купания. Когда Олененок впервые увидела свое отражение, она отшатнулась и, не решаясь снова взглянуть, спросила у Руты, кто был там, по другую сторону.

Рута смутилась: гроза, ночной гость, внезапно оказавшийся не тем, кем выглядел, – после этого она ожидала худшего. Но когда сама заглянула в зеркало и увидела лишь привычное для себя отражение, она поняла, что дело было в мыслях Олененка. По какой-то причине собственное тело казалось ей незнакомым. Иногда она разглядывала тонкие длинные пальцы или оглаживала ноги, словно изучая себя. В такие моменты Олененок выглядела смущенной и потерянной, и Руте хотелось помочь, но все, что она могла, – наблюдать.

– Х-холодная, – дрожащим голосом пролепетала Олененок и, съежившись, обняла себя руками, закрываясь от мочалки.

Рута покачала головой: угодить капризной гостье было невозможно. Несмотря на то, что она специально вымачивала кору липы несколько месяцев и с особой осторожностью срезала грубый верхний слой, Олененку тереться ей не нравилось.

– Хорошо, а что, если мы немного поиграем?

Олененок выпрямилась и с интересом уставилась на Руту. Недовольство сменилось предвкушением: она слегка приоткрыла рот.

– Во что?

– Помнишь, вчера я читала тебе сказку про потерянную принцессу? – вкрадчиво начала Рута.

– Да, она прямо как я! – В глазах Олененка заиграли блики от свечей.

– Тогда ты помнишь, что ее не могли узнать из-за того, что она вымазалась на кухне?

– Да-а.

– Давай представим, что и ты потерянная принцесса, но только нужно поскорее тебя отмыть, иначе упустишь свое счастье.

Слова Руты превзошли все ее ожидания: Олененок самостоятельно вылила на себя несколько ковшей воды и даже позволила потереть мочалкой стопы – из-за привычки бегать босиком они всегда были грязными, но обычно она отказывалась их мыть, извиваясь и попискивая от щекотки.

Рута отметила, что ребра Олененка выпирали уже не так сильно, и хотя она все еще оставалась худой, теперь уже не выглядела изможденной и все больше походила на девушку. В первую встречу Рута решила, что она совсем маленькая, но позже, присмотревшись, поняла: Олененку не меньше пятнадцати, пусть и ведет она себя как ребенок.

– Так, а теперь сиди здесь и грейся, а я пока пойду в дом

и займусь обедом. – Рута завернула Олененка в большое льняное полотенце и крепко обняла.

Та послушно кивнула и забралась на лавку, подобрав под себя длинные ноги. Она часто зажималась и сворачивалась клубком, и даже в постели, когда ее согревали теплое одеяло и близость Руты, она все равно прижимала колени к груди. И если сначала Рута считала, что Олененок мерзнет, то позже поняла: это лишь привычка.

Рута нареzáла овощи и тихонько напевала давно знакомую ей песенку. В котелке закипала вода, а по дому разлетался аромат мясного бульона. За окном уже несколько недель стояла мрачная серость: деревья, сбросившие листья, выглядели осиротевшими, а после осеннего буйства красок грязно-коричневая земля наводила на тоскливые мысли.

Но впервые за долгое время Рута совсем не печалилась из-за наступления холодов. В ее доме было как никогда тепло: потрескивали поленья, закипал золотистый бульон, на кровати лежало яркое лоскутное одеяло, которое она сшила для Олененка. И Рута чувствовала себя вполне счастливой.

Она закончила с морковью и принялась за травы, когда вдруг услышала шаги. Мокрые листья смягчали звук, и все же лесничая узнала тяжелую поступь Кестутиса и насторожилась: она до сей поры никому не рассказала о том, кто поселился в ее доме.

Причин для этого не было, но внутреннее чутье подсказывало: ей стоит молчать. Однако и отказываться впустить

Кестутиса снова она не смогла, иначе охотник мог обидеться или, того хуже, заподозрить что-то неладное. Рута отворила дверь и широко улыбнулась.

– Рута, ты сегодня особенно красива, у тебя праздник?

Широкоплечий и высокий, Кестутис и сам выглядел безмерно красивым. Увидев его первый раз, Рута невольно залюбовалась сильными руками и плечами. Так мог бы выглядеть бог охоты, если бы бывал в лесу.

– Ты же знаешь, тебе я всегда рада. – Рута откинула за спину тугую косу.

Кестутис по-хозяйски прошел в дом и осмотрелся.

– Пахнет вкусно, но, честно говоря, не смогу остаться на обед.

Он подошел ближе и прижал Руту к большому столу. От него веяло лесом, легкой горечью полыни и терпким перцем, на груди висел коготь медведя в кожаном мешочке – его сшила Рута в честь первой охоты Кестутиса на медведя. Охотник подхватил ее за ягодицы и посадил на поверхность из светлого дерева.

– Я так люблю твою родинку на ключице.

Рута почувствовала горячее дыхание на шее и прижалась ближе, обхватив охотника ногами. Они не виделись давно, слишком давно. Кестутис с жадностью оставлял рваные поцелуи на шее и оглаживал бедра.

Дыхание участилось, когда он коснулся губами кожи за ухом. Рута покрылась мурашками и впиалась ладонями

в стол.

– П-подожди. – Внезапная мысль развеяла туманящее разум возбуждение.

– Что-то не так?

Кестутис отстранился и заглянул в глаза. Рута прикусила губу. Ей нравилось, когда он смотрел вот так: слегка прищурившись, хищно, как голодный зверь, готовый взять свое. Тем сложнее было ему отказать.

– Я, понимаешь, не могу. Ты же знаешь, у женщин бывает. – Она беспомощно улыбнулась.

Он криво усмехнулся и разгладил измятую рубашку.

– Да, я понимаю. Теперь мне нужно приходиться в другое время?

– Нет... То есть да. У меня сейчас очень много дел, и я точно не знаю. – Рута опустила глаза, она не умела врать сама и не терпела, когда лгал кто-то другой.

– Хорошо, я понял тебя. – Голос Кестутиса прозвучал холодно и отстраненно.

Внутри у Руты все сжалось, но ведь она поступила правильно?

Охотник ушел и, резко хлопнув дверью, впустил в дом осенний воздух. Рута разочарованно вздохнула. Олененок приносила в ее дом много радости, но у всего есть цена. Она задумчиво принялась за зелень для супа.

– Рута, кто это был? – Острое лицо олененка так внезапно возникло перед ней, что она вздрогнула.

– О... один мой знакомый.

– А во что вы с ним играли? – Олененок склонила голову. – Он проиграл, да, такой недовольный ушел?

– Можно и так сказать. – Рута потрепала ее по волосам. – А теперь пора есть, суп уже готов.

– Суп? – Олененок села за стол и закусила губу. – Ну хорошо.

Рута удивилась: обычно ее было не так просто уговорить съесть горячее, она стремилась как можно скорее добраться до хлеба или сладкого. Но наблюдать за такими изменениями было приятно.

– Тут много моркови, как ты любишь.

Рута обернулась с тарелкой в руках. Олененок сидела все в той же позе и совершенно честными глазами смотрела прямо на нее. Выдавали ее только лиловые от черничной начинки губы. Рута прищурилась.

– Знаешь, я подумала, что сегодня не буду угощать тебя пирогом. Тебе едва ли понравится.

– Нет, понравится, я очень люблю чернику! – Олененок подалась вперед, защищая свое право на сладкое.

– Но откуда ты знаешь, что он с черникой?

Олененок замерла и растерянно пробежалась взглядом по комнате. Она пыталась придумать ответ – Рута видела это по небольшой складке над правой бровью, которая всегда появлялась, когда девушка серьезно задумывалась и хмурилась.

– Можешь даже не стараться, я вижу твои губы, сладкоеж-

ка. И если ты не хочешь, чтобы в этом доме больше никогда не было пирогов, – ешь суп. И не пытайся меня обманывать.

Олененок недовольно промычала что-то и уткнулась в тарелку.

Рута не сердилась на нее, никогда не сердилась. Олененок могла быть наивной, капризной или упрямой, но ее искренность и непосредственность сполна покрывали это. Она дулась иногда, но стоило новой идее захватить ее сознание, как она забывала обо всех обидах.

После обеда Олененок отпросилась погулять. Рута не без опаски отпускала ее, но и держать взаперти не могла. Она любила бегать, а любые попытки ограничивать ее приводили к разгрому в доме. Она исследовала все вокруг: проверяла, вмещается ли она в сундуки, изучала погреб, пересматривала книжные полки и шкафы и никогда не возвращала вещи на места.

Рута села в большое кресло и убрала со лба прилипшие пряди. Порой она думала о том, что хорошо было бы иметь помощницу, вместе они бы скорее справлялись с делами, да и в доме всегда ждали бы затопленная печь и готовый обед. Но вместо этого у нее появилась Олененок, и забот стало только больше.

Впрочем, это ее не расстраивало. В конце осени, когда лес уже не требовал так много внимания, у Руты появлялось свободное время. Обычно она плела корзины на продажу. Этому ее научила жена бывшего лесника. Долгая и кропотливая,

работа приносила доход и не давала заскучать.

В этом году Рута уже успела набрать ивовых прутьев, но с Олененком никак не могла добраться до них. Приближалась зима, а у Олененка совсем не было теплой одежды, и если жилет и пару рукавиц Рута легко могла связать ей сама, то достать сапоги оказалось непросто.

Рута умела снимать мерки, но не могла прийти к сапожнику с таким заказом. То, что она живет одна, ни для кого не было секретом, и внезапная просьба вызвала бы волну слухов. Рута глубоко задумалась. Сейчас ей бы пригодилась помощь, но она не знала ни одного человека, которому решилась бы доверить свою тайну.

Теплое кресло уютно обнимало, за окном смеркалось, и ей все труднее становилось следить за петлями на спицах. Она на мгновение прикрыла веки и очнулась уже от порыва холодного ветра. На пороге стояла Олененок: щеки и кисти покраснели, а наспех сделанная коса растрепалась.

Олененок часто дышала и растирала замерзшие ладони, но стоило ей заметить Руту, как она тут же пошла к ней и беззастенчиво устроилась на коленях.

– Ты считаешь мне? – с надеждой посмотрела она на Руту.

– Нет, не сейчас.

– Ты сердисься?

– Я не могу на тебя сердиться, когда ты сидишь у меня на коленях. – Рута обняла ее и коснулась губами макушки. – Но

сейчас у меня есть дела, а ты можешь почитать и сама.

– Я не умею!

– Умеешь. – Рута осторожно столкнула Олененка с колен и поднялась.

Прежде Олененок действительно не умела читать, но Рута потратила не один час для того, чтобы медленно и не без ошибок, но все-таки Олененок научилась продирается сквозь строчки книг. Истории захватывали ее, и Рута точно знала, что она не бросит начатую.

Олененок фыркнула и, взяв книгу, устроилась с ней в постели. Рута видела, как она морщит нос, хмурится и снова и снова вглядывается в страницу. От этого ей одновременно хотелось улыбаться, плакать и говорить что-то нежное. Все внутри расцветало, и Рута могла бы сравнить это с влюбленностью, но, даже будучи влюбленной, она не чувствовала себя так уютно. Будто она вернулась домой после долгой разлуки.

Пока Олененок затихла над книгой, Рута взялась за плетение корзины. Тонкие и гибкие, прутья покалывали пальцы, но покорно складывались в узор. Самым важным в корзине было крепкое дно, и лесничая старательно выбирала для него подходящие ветки.

– Смотри, однажды я и тебя научу.

Рута закончила ровный круг и повернулась, но Олененок не отозвалась. Она лежала среди подушек, на которых пыталась устроиться во время чтения, и тихо посапывала. Книга

выпала из ее рук, и Рута осторожно подняла ее с пола. Олененок поежилась и подтянула ноги к груди.

– Не бойся, я рядом. – Рута погладила ее по волосам, накрыла большим одеялом и забрала почти догоревшую свечу.

Она и сама собиралась лечь спать, когда в дверь внезапно постучали. Так поздно заглянуть мог только один человек. Рута устало вздохнула. Выгонять его было бы невежливо, но ей совсем не хотелось разговаривать.

– Здравствуй, Йонас.

Он стоял на пороге и воровато оглядывался по сторонам.

– Ты одна?

– Да, в такое время не принято принимать гостей.

– Хорошо. – Йонас, не сумев распознать намек, вошел в дом. – Я как раз хотел поговорить только с тобой. Что ты знаешь о пропавшей принцессе?

Глава 4

Осиное гнездо

Йонас обошел вокруг дерева, внимательно приглядываясь к коре. Это должно быть здесь: три березы образовывали большой треугольник, оставалось только сделать пять шагов на север от центра. Он еще раз всмотрелся в ствол, а затем провел по шершавой поверхности рукой, прислушиваясь к ощущениям.

На северной стороне кора была темнее и грубее – это первое, о чем должны были знать охотники, да и просто все, кто не хотел погибнуть в лесу. Ориентироваться можно было и по звездам, но для этого пришлось бы дожидаться ясной ночи и найти поляну, что для неопытного путника могло стать серьезным испытанием.

Йонас пытался вспомнить, какие еще указатели оставил для себя, но в голову шли только стебли мятлика, которые густо росли в этом месте летом. Почему-то он не учел одного: осенью или зимой лес будет выглядеть иначе. Оставалось рассчитывать только на то, что за несколько лет ширина его шагов не изменилась вместе с походкой.

Ему пришлось сделать несколько углублений, прежде чем лопата глухо ударилась о твердую поверхность. Йонас отер пот со лба и глубоко вздохнул. Он рассчитывал достать этот

сундук при других обстоятельствах. Вместе с ним он однажды закопал надежду на иное будущее – то, где он богат, знатен и счастлив.

Йонас уселся на землю и прижался спиной к березе, поставив сундук перед собой. Здесь была его маленькая сокровищница; когда-то он сложил сюда белоснежную рубашку с манжетами и красивым воротником, зеленый бархатный камзол, расшитый золотыми нитками, пару крепких сапог и мешочек с монетами. Йонас знал, что однажды вернется, и к этому он подошел со всей ответственностью.

Отсыревшая крышка поддавалась с трудом, дерево царапало кожу, а из-за влажной грязи пальцы соскальзывали. Йонас достал нож и осторожно, чтобы не повредить, попытался вскрыть замок, но после нескольких неудачных попыток грубым движением сбил его. Резкий затхлый запах ударил в нос после лесной свежести, и Йонас поморщился. В его представлении все должно было выглядеть иначе.

Ткань рубашки потемнела и покрылась плесенью, а камзол теперь выглядел грязно-серым. Надев такое, он едва ли смог бы прийти во дворец, разве что придворным шутком. Что-то больно кольнуло внутри, и Йонас сжал кулаки. К горлу подступил ком. На языке появился горький привкус. В тяжелые минуты он всегда думал об этом сундуке – тот стал для него символом, одной из тех звезд, по которым можно отыскать свой путь. И теперь его звезда погасла.

Йонас обнял колени руками и опустил голову. От незва-

ных мыслей она казалась тяжелее обычного, в висках стучало. Прошло много лет, слишком много, и он впервые полностью осознал это. С каждым мигмом промедления его шанс на возвращение становился все более призрачным. И если раньше Йонас был твердо уверен в том, что это вопрос времени, теперь все зависело только от одного – от пропавшей принцессы.

Внезапная мысль развеяла все остальные, ведь именно за этим он и пришел сюда.

Йонас вернулся к сундуку и принялся нетерпеливо ворошить складки одежды, надеясь, что сырость не уничтожила его последнюю надежду. Небольшой клочок бумаги, один из тех, которые много лет назад можно было встретить на каждой улице в королевстве. Ими пестрили стены, а ветер носил их среди домов, чтобы в каждом закоулке, даже самом удаленном, пропавшую принцессу смогли бы узнать и вернуть домой.

Йонас осторожно достал пожелтевший от времени листок. С него смотрела девочка, совсем еще маленькая, тонкие губы изгибались в легкой улыбке, и, несмотря на то, что краски почти стерлись, на бледном лице ярко выделялись большие карие глаза. Принцесса выглядела счастливой и безмятежной и словно бы приглашала поиграть с ней в догонялки. Йонас внимательно вглядывался, стараясь запомнить каждую черточку. Он не должен был пропустить принцессу при встрече.

Где именно можно ее встретить, Йонас пока не знал, но думал, что стоит начать поиски в лесу. Темный и дремучий, он часто становился прибежищем для тех, кто искал укрытия. Там встречались влюбленные, которым запрещено было видаться, или преступники, скрывающиеся от правосудия. Сам Йонас часто таился в тени деревьев, и лучшего места для испуганной маленькой принцессы не найти.

Он продолжал разглядывать портрет, когда ему под локоть ткнулась большая и слюнявая морда.

– Эй, привет, подруга. – Йонас потрепал собаку по шерсти и крепко обнял. – Смотри-ка, что у меня есть.

Он поднес к самому носу Морты обрывок, и она обнюхала его, а после уставилась на охотника и слегка склонила голову.

– Знаешь, что это? Это наш шанс на другую жизнь. Представляешь, переберемся во дворец, будешь спать на перине, а все эти красавицы в ярких платьях будут приносить тебе еду. – Йонас мечтательно прикрыл глаза и улыбнулся, поглаживая длинные уши собаки.

Морта присела и покорно опустила голову.

– А еще мыть твои лапы... Да-да, это тебе не холодная баня Руты. Помнишь, как она ругалась, когда нашла там шерсть после нас? А во дворце все будет иначе.

Вспомнив, как сердито смотрела Рута, Йонас усмехнулся. В зеленых глазах сверкали искорки, и, хотя лесничая больше ничем не выдавала своих эмоций, он готов был специально раздражать ее, чтобы только снова увидеть это.

Он всегда радовался возможности повидаться с Рутой, а сейчас она была ему особенно необходима. Кто мог лучше знать о происходящем в лесу, чем его хозяйка? И если бы произошло что-то необычное, она заметила бы первой.

Йонас решил: начать поиски в лесу стоит именно с ее дома. К тому же на улице вечерело, моросил дождь, и, зная гостеприимство Руты, он мог точно сказать: она не выставит его без чашки чая. А пока он будет его пить, сможет узнать все необходимое.

Когда Йонас добрался до опушки, где жила Рута, уже совсем стемнело. Промозглый холодный ветер проникал под плащ, просачивался сквозь потертую ткань рубашки, и потому он крепче обнимал себя руками. В животе урчало: последние дни он был слишком увлечен поисками зацепок, чтобы охотиться на дичь. Увидев теплый оранжевый свет в окне и струйку дыма из трубы, Йонас явственно ощутил усталость. Он так давно не был дома.

Двор Руты окружал небольшой забор; местами покосившийся, он не защитил бы от грабителей и больше служил преградой для случайно заглянувших диких животных. Йонас потянулся к калитке и нахмурился: она перекосилась, будто кто-то сильный резко захлопнул ее. Рута никогда резкостью не отличалась, и Йонас нередко замечал, как она бережно относилась даже к старым котелкам. Это могло означать только одно: у Руты был гость.

Йонас замялся. Попадать в неловкую ситуацию ему не хо-

телось, а мечты о теплом ужине рушились под урчание в животе. Мокрые от дождя волосы липли к шее, и капли стекали под плащ. Он внимательно вглядывался в окно, стараясь разглядеть движение, но, казалось, в доме было тихо и спокойно. Йонас сделал еще пару шагов на месте и решительно открыл калитку.

Вытоптанная дорожка размякла от дождя, и он отчетливо видел следы от сапог. Большие и глубокие, они явно принадлежали мужчине, и Йонас уже хотел повернуть назад, когда вдруг заметил нечто странное. Один из следов выглядел совсем маленьким; небрежно смазанный и оставленный поперек дорожки, словно кто-то спешил перебежать лужайку перед домом. Он никогда не присматривался к размеру ноги Руты, но уж точно не мог представить ее резвящейся на лужайке.

Он потер глаза и снова посмотрел на дорожку. При слабом освещении от окна ему могло всего лишь показаться. Отпечаток на грязи действительно больше не выглядел следом – грязное размытое углубление, в котором теперь ручейками текла вода. Йонас устало вздохнул: он настолько хотел найти что-то необычное, что готов был увидеть чудо в каждой луже.

Рута открыла дверь почти сразу же после стука. Сначала Йонаса удивляло такое, но позже он привык. Она явно не ждала его, просто острый слух всегда позволял ей узнать о визите гостей чуть раньше, чем они успевали подой-

ти к двери.

– Здравствуй, Йонас.

Рута выглядела спокойной и приветливой, но на всякий случай он оглянулся по сторонам и поспешил уточнить волнующий его вопрос:

– Ты одна?

– Да, в такое время не принято принимать гостей.

– Хорошо. – Йонас выдохнул с облегчением и вошел в дом. – Я как раз хотел поговорить только с тобой. Что ты знаешь о пропавшей принцессе?

Он повесил плащ и с наслаждением вдохнул воздух – теплый, полный ароматов трав, дерева и мясного бульона. Продрогшему и почти насквозь вымокшему, ему было особенно приятно устало сесть за стол и почувствовать, как гудят ноги после долгого дня. Йонас так расслабился, что не сразу понял: повисший вопрос остался без ответа. Рута закрыла дверь и замерла около нее, словно глубоко задумавшись, но стоило ей перехватить его взгляд, как она тут же поправила волосы и решительно направилась в сторону печки.

– Будешь чай?

– Да, я бы с удовольствием.

Рута достала из печи котелок и вновь задумалась, слегка прикусив губу.

– Ты, наверное, голоден. – Это было больше утверждением, чем вопросом.

И если первое предложение являлось лишь формальной

вежливостью, то сейчас она была искренней – Ионас понял это наверняка.

– Спасибо, Рута.

Он не видел ее лица – она повернулась к печи, – но точно знал, что услышать слова благодарности ей было приятно. Ионас знал о женщинах достаточно, чтобы с легкостью баловать их комплиментами: юные красавицы таяли, когда молодые люди отмечали их красоту; зрелых женщин мог растопить комплимент об их свежести и нежности. И только Руту ему никак не удавалось впечатлить. Она награждала его холодными взглядами, выставляла за дверь и рекомендовала соблазнять оленей в лесу. Лишь однажды ему удалось вызвать на ее лице тень улыбки, когда он от чистого сердца восхитился тем, как ловко она справляется со своей работой. Из этого он сделал один вывод: Руте нравилось, когда хвалили ее заслуги, а не ее саму. И пусть это было необычным для женщины, Ионасу это нравилось.

Суп Руты пах вкусно, так вкусно, что охотник забыл о цели своего визита до тех пор, пока ложка не ударилась о пустое дно миски. Он поднял глаза, чтобы снова поблагодарить, и встретился взглядом с Рутой.

– И почему меня окружают одни обжоры?

– Здоровому мужчине – здоровый аппетит. – Ионас широко улыбнулся, но Рута лишь покачала головой.

– Так о чем ты хотел поговорить?

Он задумчиво почесал подбородок. После плотного ужи-

на мысли разбега́лись, и сейчас он был готов поболтать о чем угодно или просто помолчать под треск поленьев.

– Йонас, уже поздно, у тебя что-то срочное?

Грубоватый голос Руты привел его в чувства, и он выпрямил спину, резко вдохнув, чтобы прогнать дрему.

– Нет, но это важно. Скажи, ты не замечала в лесу чего-нибудь странного?

– Странного? – Рута приподняла бровь.

– Да, я не знаю, как это объяснить, но ведь ты лесничая, ты знаешь, как и что должно происходить, и поэтому я подумал...

Йонас замялся. Она смотрела на него так, будто он говорил полнейшую чушь, и он сам с каждой секундой терял былую уверенность.

– Знаешь, – внезапно взгляд Руты смягчился, – было кое-что странное. В октябре вдруг разразилась сильная гроза, это большая редкость. Но в остальном все в порядке, насколько мне известно.

– А после грозы? Может, было что-то еще?

– Йонас, если тебе не хватает приключений, можешь взять книгу. Только будь с ней осторожным, пожалуйста.

Йонас прикрыл глаза. Он возлагал много надежд на этот разговор, но Рута ничего не знала, тема совсем не интересовала ее, и это значило только одно: в лесу действительно не происходило ничего, и зацепки нужно искать в другом месте.

– Как-нибудь потом, а теперь мне пора. Спасибо за все.

Йонас поднялся и ощутил всю тяжесть своего тела. Уходить из теплого уютного дома не хотелось, но, к сожалению, на ночь у лесничей он рассчитывать не мог. Мокрый плащ не успел обсохнуть, и надевать его на согревшееся тело было особенно неприятно. Он двигался нарочито медленно – не для того, чтобы вызвать жалость, а для того, чтобы хоть немного оттянуть момент встречи с холодным осенним дождем.

– Йонас, подожди минутку.

Он резко обернулся: неожиданные слова Руты могли значить что угодно, от приглашения остаться до ответа на его вопрос.

– Да?

– Куда ты направляешься?

– Думаю, что в город. А почему ты спрашиваешь?

Рута выглядела странно: она словно пыталась одновременно хмуриться и улыбаться. Бледные пальцы крепко сжимали кухонное полотенце. Она облизнула губы.

– Ты не мог бы зайти к сапожнику? Я, понимаешь, поругалась с ним на днях, а скоро зима, нужны новые сапоги.

– Да, мог бы, конечно. – Йонас растерялся: прежде Рута никогда ни о чем его не просила. – Только мне нужны мерки, и я зайду завтра же.

– Разумеется, мерки и деньги я тебе дам, только не говори ему про меня, он старый плут, а мне совсем не хочется неприятностей.

Йонас вдруг почувствовал себя очень важным. Именно к нему обратилась Рута, он теперь был ее помощником и защитником, и, пусть он не делил с ней постель, это было гораздо важнее. Она доверяла ему.

– Спасибо, Йонас, я перед тобой в долгу, – сказала Рута ему вслед, и он гордо расправил плечи. В этот вечер ему повезло, и это был добрый знак.

Когда с утра Йонас бодрым шагом направился в город, он все еще не мог забыть, как женственно и нежно выглядела Рута, когда просила у него об одолжении. Она казалась совсем беззащитной, и, пусть это дело касалось всего лишь сапожника, Йонаса пробирала гордость.

Сапожника он знал. Пожилой господин действительно отличался склочным характером, и многие подмастерья не выдерживали его нрава. Но в своем деле он не знал равных, и его услугами не брезговали пользоваться даже знатные особы. С годами он стал медлительнее, но качество его работы оставалось прежним.

Его дом вместе с мастерской находился на оживленной улице, так что Йонас опустил голову вниз и надвинул капо-

шон. Сапожника звали Азуолас, могучий дуб, и, возможно, в молодости он вполне оправдывал свое имя. Даже сейчас, когда он прихрамывал и горбился, в нем чувствовались отголоски былой стати.

Йонас постучал, но ответа не последовало, и тогда он рискнул войти.

– Добрый день.

– Где же он добрый? Ветер завывает, как раненая собака, а от этой сырости ломит кости. – Пожилой господин вошел в комнату и смерил Йонаса взглядом. – Впрочем вам, молодым, что ни день, то добрый. Зачем пришел?

– Я хотел заказать у вас сапоги.

– Ясное дело, что не пироги. Мерки давай. И учти, что я сильно занят, так что быстро работу не сделаю.

Йонас протянул листок, который ему дала Рута, и перевел взгляд с сапожника на окно. С этим человеком не составляло труда поругаться, и, если бы он пришел сюда не по просьбе Руты, давно бы сделал это.

– Слушай, ты не крепыш, конечно, но неужели нога у тебя такая маленькая? – Азуолас усмехнулся, а Йонас сжал зубы, чтобы не выругаться.

– Это для моей сестры.

– Да не смущайся ты, я же шучу. Покраснел весь, как рак вареный. Тебя как звать, кстати? Я тебя не помню, а я тут почти всех знаю.

Раздражение уступило место растерянности: назвать свое

имя он не мог, но почему-то не подумал об этом прежде.

– Я, эм, Вилкас.

– Хорошо, Эмвилкас, у тебя деньги-то есть? Я сейчас в долг не делаю, больно много развелось хромым и больных, а мне материал покупать не на что.

– Просто Вилкас. И да, деньги есть.

Пока сапожник записывал что-то, Йонас оглядывался вокруг. В шкафу стояли готовые заказы: красивые туфли, грубые мужские сапоги и совсем маленькие детские сапожки яркого красного цвета. Внезапно его пронзила мысль: если принцесса вдруг и появилась бы из ниоткуда, ей наверняка бы понадобилась обувь.

– Азуолас, а можно задать вам вопрос?

– Попробуй.

– К вам никто не обращался с необычным заказом? Может, за детской обувью, когда вы точно знали, что детей у них нет?

– Ты пришел с необычным заказом. И ты не в меру любопытный. Зачем это тебе? – Сапожник подозрительно посмотрел на него из-под густых седых бровей.

– Я ищу пропавшую принцессу, – честно признался Йонас, и Азуолас глухо засмеялся.

– Ты еще и глупец. Не забудь забрать сапоги в срок, Эмвилкас. Иначе продам кому-нибудь другому.

Йонас тихо пробурчал ругательство и вышел за дверь. Теперь Рута действительно была ему должна, к этому человеку

не хотелось возвращаться. И снова он остался без зацепок. В большом городе найти следы было почти невозможно. Он быстро шел по улице.

– Простите. – Внезапно его плеча кто-то коснулся. Йонас вздрогнул и обернулся.

Перед ним стоял юноша с открытым бледным лицом и ямочкой на подбородке, растрепанные светлые волосы прилипли ко лбу, он часто дышал.

– Я звал вас, но вы не откликнулись. Вилкас, верно?

– Да, так и есть. А вы?

Лицо этого человека казалось Йонасу знакомым и очень приятным, но он не мог вспомнить, где мог еще его видеть.

– Меня зовут Паулис, мы не знакомы, но я случайно подслушал ваш разговор и не смог пройти мимо. Я тоже ищу принцессу.

– Правда? – Йонас искренне удивился, и это удивление было приятным. Он впервые встретил сторонника.

– Да, я работаю подмастерьем у Азуоласа, и я слышал ваш разговор. Почему вы спрашивали про что-то необычное? Разве принцесса не просто маленькая девочка?

Паулис с нескрываемым интересом и даже трепетом смотрел на Йонаса, и он вновь почувствовал себя очень значимым. Он знал больше, чем другие, и теперь нашел себе достойного слушателя.

– Паулис, ты веришь в ведьм?

– Конечно, я лично знаю одну.

– Хорошо, а ты знаешь, что в ночь исчезновения принцессы в замке была ведьма?

– И она заключила душу принцессы в вазочку? – Паулис разочарованно вздохнул. – Да, об этом мне известно, но ведь это всего лишь легенда.

– Нет, дело не в этом. Вазочка осталась бы в стенах замка, это не спасло бы принцессу. А ты представь, что ведьма превратила ее в кого-нибудь живого. Кого-то, кому не составило бы труда скрыться из замка.

Паулис широко распахнул глаза, и Йонас довольно усмехнулся. Ему нравилось, когда его слушали так внимательно.

– Но разве такое может быть? – почти шепотом спросил он.

– Да, представь себе, это мог быть кто угодно. – Йонас засомневался, но, вспомнив огромные карие глаза принцессы, продолжил: – Например, олененок.

– Принцесса-олененок, это очень интересно. – Паулис глубоко задумался. – А вы знаете что-нибудь еще?

– К сожалению, пока что нет, но очень хочу узнать.

– Обязательно расскажите мне, если узнаете больше, Вилкас. Вы первый, с кем я смог поговорить об этом, спасибо вам.

– Тебе спасибо. – Йонас похлопал его по плечу.

Он точно знал, что эта встреча случилась не просто так: он почти разочаровался в своей идее, но само провидение не давало ему сбиться с пути.

Он должен был найти принцессу.

Юрате вздрогнула, уколов палец, а затем поднесла его к губам. Вышивка, которой она пыталась отвлечься, выходила криво. Нитки все время путались, ведь она оборачивалась на каждый шорох за дверью, ожидая вестей.

Юрате знала свое место и никогда не вмешивалась в дела мужа, если он сам не просил ее об этом. С юности ее учили уважать мужчин, особенно своего мужчину. Своего короля. Для Юрате это не было сложным, она любила Арунаса и уступала ему право принимать решения. Она впервые переживала из-за того, что он может совершить ошибку.

– Ваше величество!

Дверь резко отворилась. На пороге стояла служанка – она покраснела от бега и часто дышала.

Юрате убедилась, что в коридоре пусто.

– Пожалуйста, проходи, – сказала она, а когда служанка вошла, торопливо закрыла дверь. Никто не должен был знать о ее вмешательстве в это дело.

– Расскажи мне все.

Юрате присела на край большого кресла и внимательно

посмотрела на служанку.

– Все так, как вы и боялись. Лорд Гринюс обвинил ведьму в краже. И брат вашего мужа на его стороне. Король Арунас в замешательстве, но вы знаете; Гантарас умеет быть убедительным.

Юрате нахмурилась и впилась ногтями в ладони от досады. Она знала, что лорд не потерпит шуток своенравной ведьмы, но и подумать не могла, что он обвинит ее в столь серьезном преступлении. И хотя ведьма действительно была виновата, Юрате не могла осуждать ее.

– Пойдите, это ведь вы, Аудра, это о вас все говорят?

Юрате коснулась плеча ведьмы, едва сумев догнать ее. Она не сразу узнала женщину с белоснежной косой. Ей говорили, что ведьма очень стара, но Юрате не дала бы ей и сорока лет. Красивое лицо с черными холодными глазами было почти не тронут морщинами, да и нос не походил на уродливый крючок.

– Не так много, как о вас, ваше величество. – Ведьма криво усмехнулась. – И не нужно прятаться в плащ, я вижу большие, чем другие.

Юрате опустила руку прежде, чем поправила капюшон. Она покинула замок тайно, не желая смущать мужа своей проблемой.

– Как вы узнали меня?

– Это было несложно. Вас выдает осанка, а еще вы три-

жды извинились, когда вас задели. Горожанки так не поступают.

Юрате смущенно опустила глаза. Она совсем не задумывалась о том, как себя ведет.

– Не волнуйтесь, я вас не выдам. Но настоящую королеву не скроет ни одна маска.

– Спасибо. Мы могли бы поговорить в более уединенном месте?

– Да, ваше величество. Но сначала мне нужно встретиться с одним человеком. Подождите немного.

Ведьма пошла к небольшому закоулку, отходящему от главной площади. Дома там стояли совсем близко друг к другу, и потому улочка стала частым местом для свиданий, а позже ее так и прозвали – Закоулком влюбленных.

Юрате осторожно проследовала за ведьмой. Она не любила подглядывать, но любопытство не позволяло поступить иначе. В ее представлении все ведьмы были одиночками – тем интереснее, если она ошибалась.

В закоулочек почти не проникал свет, и все же Юрате смогла разглядеть высокую и статную фигуру. Широкие плечи укрывал темный плащ, на фоне которого еще ярче выделялась рыжая борода. Юрате узнала его – это был лорд Гринюс.

Непослушные рыжие кудри всегда отличали его семью. Много лет назад они прибыли из северного королевства и давно вели торговлю мехами. Юрате несколько раз виде-

ла его в замке, но лорд редко бывал у короля. Гораздо чаще он заходил к Гантарасу, и они долго сидели за закрытыми дверьми.

Юрате старалась думать о людях лучшее, но эти встречи вызывали у нее беспокойство. Гантарас говорил о лорде Гринюсе только хорошее, убеждал жену в его честности и добропорядочности. Но сколько бы Юрате ни искала – она не смогла найти бумаг с отчетами о его торговле и выплатах налогов.

Ведьма вышла из закоулка, пряча в складках платья мешочек с монетами. Юрате нахмурилась: она не хотела быть свидетелем тайных сделок или заговоров. Но ведьма могла и не знать о нечестности лорда.

– Извините, что я подглядела, но я должна вас предупредить. Лорд Гринюс не самый порядочный человек, вам не стоит иметь с ним дел.

Ведьма глухо рассмеялась, и Юрате поежилась.

– Мне это известно. Он хочет иметь все, не прилагая усилий. Я проучу его.

– Только будьте осторожны, он очень влиятельный человек.

– Если бы я боялась людей – не была бы ведьмой. Так зачем вы искали меня, ваше величество?

Юрате глубоко вздохнула.

– С тех пор как я приехала сюда, мне снятся кошмары. Я думала, это пройдет, как только я привыкну, но... – Ко-

ролева прикусила губу.

Темнота пугала ее с детства. Стоило закрыть глаза, и самые страшные кошмары оживали в ее голове. Тогда мать начала петь ей колыбельные перед сном и поить теплым молоком. Юрате точно не помнила, когда кошмары наконец оставили ее, но с тех пор чувствовала необычайную легкость. Тем страшнее было столкнуться с ними снова.

– Я помогу вам, ваше величество. Сварю отвар, и вы забудете о кошмарах.

– Спасибо вам, Аудра. Где я смогу найти вас снова?

– Я сама вас найду.

Ведьма прищурилась. Несмотря на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака, глаза ее оставались темными. Юрате отступила назад и зажмурилась лишь на мгновение, чтобы убедиться, что ей показалось. Когда она открыла глаза, ведьмы рядом уже не было.

– Я поговорю с мужем. Быть может, мне удастся убедить его, что ведьма ни в чем не виновата.

Юрате решительно поднялась.

– Но его величество всегда прислушивается к советам брата. Они неразлучны с детства.

– Значит, мне придется разлучить их на время. Гантарас ошибается. Ведьма не должна пострадать из-за этого.

Гантарас плотнее задернул шторы. Солнечные лучи, отражавшиеся от хрустальных деталей люстры, слепили глаза. Он не любил такие дни. Почему-то именно в ярком солнечном свете Гантарас чаще всего выглядел полнейшим глупцом. Как в тот день, когда брат впервые не послушал его совета, поверив жене.

Гантарас усмехнулся. Он редко проигрывал. Там, где ему не доставало сил, он использовал хитрость и мог найти подход к любому человеку. Лишь одна женщина сумела обыграть его. Он ненавидел ее за это, но не мог не уважать.

Гантарас сел за стол и задумчиво посмотрел на портрет, который висел в кабинете давно – еще с тех пор, как королем был его отец. Женщина неуловимо походила на Юрате. Сначала Гантарас хотел избавиться от этого портрета, но потом решил оставить как напоминание о том, что и он может оступиться. Но не проиграть.

От размышлений его отвлек внезапный стук в дверь.

– Ваше величество, я могу войти?

– Паулис? – Гантарас удивился, увидев юношу в замке днем. – Разве твое дело не следить за происходящим в городе?

– Так и есть, ваше величество, но у меня срочные новости. Это о вашей пропавшей племяннице.

Гантарас резко поднялся. Вестей о принцессе не было много лет.

– Проходи, Паулис. Я внимательно слушаю.

Глава 5

Вопрос доверия

– Ты ничего не понимаешь!

Олененок отчаянно взмахнула руками. Она не могла подобрать слов, чтобы объяснить Руте, что именно происходит, и готова была расплакаться.

– Сны – это другое. Они как капля дождя на стекле: ты видишь ее один раз и все. А это не сон. Это... эх. – Олененок задумалась, ей так хотелось передать Руте свои мысли.

– Прекрати сосать палец.

Олененок с удивлением обнаружила, что палец действительно был во рту. Она сама не понимала, как это происходит, но Рута часто делала ей замечания. Она была очень внимательной к деталям, и что-либо скрыть от нее казалось почти невозможным.

Лишь однажды Олененку удалось провернуть хитрый план. Тогда Рута решила, что Олененок уже достаточно взрослая для того, чтобы носить корсет. Но тугой и жесткий, мешающий вдыхать полной грудью, а тем более – бегать, он приносил ей только неудобства. И Олененок не придумала ничего лучше, чем избавиться от неприятной вещи. Рута поверила в ее внезапную пропажу, и маленькое озорство удалось.

– Это похоже на сказку, – наконец собралась с мыслями Олененок. – Как будто каждую ночь ты читаешь мне новую главу. Сначала я видела только туман, потом появился голос, я шла на него и вот сегодня увидела дом. Он был как настоящий, как твой.

Олененок так отчетливо помнила, как туман расступился и перед ней возникла небольшая избушка. Пахло сыростью и горькими травами, в окнах горел свет, но не привычный теплый, как в доме Руты, а холодный и белый, словно в лунную ночь. Бревна из темного дерева покосились, а крышу покрывал мох. Когда она подошла ближе, дверь беззвучно приоткрылась, словно Олененка тут ждали.

– И я думаю, что мне нужно туда. Ты знаешь еще один дом в лесу? Ты ведь все тут знаешь.

– Нет, Олененок, другого дома в лесу нет. Я обходила его весь и точно заметила бы. Да и кому понадобится жить в глуши?

– Ты же живешь. – Олененок напористо подалась вперед.

– Я здесь работаю, есть большая разница. – Рута посмотрела так серьезно, что Олененок поежилась.

Слово «работа» казалось таким непонятным. От него веяло чем-то трудным и неприятным, но ходить по лесу было восхитительно. Листья шуршали под ногами. Яркие и ароматные, они так и приглашали упасть на их мягкий ковер и извальяться, вдыхая запах земли и осени. Рута ругалась, вычесывая ветки и листочки из ее волос, но Олененок чувство-

вала себя слишком счастливой, чтобы отказываться от такого удовольствия.

Лес напоминал ей замок: высокие стройные деревья, покрытые золотом, дорожки ручейков, игры света и тени в кронах, будто в витражах. Что-то отзывалось в памяти, и Олененок старательно хваталась за каждую мысль, но они ускользали, словно шустрые белки.

Олененок и сама готова была соревноваться по скорости с любым лесным жителем. Ветер трепал волосы, щеки горели, а внутри разливалось тепло. Рута не соглашалась играть с ней в догонялки, и Олененку приходилось самой придумывать сюжеты и убегать от невидимых чудовищ. Чаще всего она представляла себе охотников, страшнее них она не знала никого: большие, волосатые и с луками в руках.

В работу Руты входило много интересного: кроме прогулок по лесу, она занималась тем, что собирала листья и веточки. Олененок тоже выбирала себе самые красивые листочки и украшала ими комнату, но они быстро темнели и сворачивались. Рута рассказала ей, что сохранить их можно в книгах, и однажды они долго раскладывали между страницами собранные сокровища. Теперь Олененок с нетерпением ждала, когда пройдет время и их можно будет достать.

Рута была такой умной, что Олененок не переставала удивляться. Она знала название каждого дерева, каждого кустика и даже птицу могла узнать по голосу. Олененок старалась запомнить как можно больше, но все время путалась

в словах, чем только смешила лесничую.

Ей нравилось, когда Рута улыбалась или смеялась. На правой щеке у той появлялась едва заметная ямочка, а зеленые глаза блестели хитрецей, как у лисы. Рута была невероятной красавицей, и Олененок смотрела на нее с искренним восхищением, не понимая, почему же она до сих пор одинока.

На вопросы об этом Рута не отвечала и, как казалось Олененку, становилась печальней обычного. Почему-то иногда она грустила, хотя на то не было причин. Олененок замечала это случайно, когда поглядывала на лесничую, отвлекаясь от чтения или игры. Прикусывая губу, Рута глубоко задумывалась о чем-то. Взгляд становился рассеянным, а пальцы скользили по пряже или прутьям будто сами собой. Олененок переживала, но не решалась спросить, чтобы не расстроить ее еще больше.

– Я бы тоже хотела так работать, – поразмыслив, ответила Олененок. – Ты возьмешь меня сегодня с собой в лес?

– Нет, я же говорила тебе, что там слишком холодно. Пока не будут готовы твои сапоги, тебе придется сидеть дома.

Олененок фыркнула и сдула прядь со лба. Она ненавидела ждать. За окном выпал первый снег, а мороз рисовал узоры на уголках окошка. Воздух казался стеклянным, и вот-вот должны были прилететь снегири, которых Рута обещала показать. И всего этого она лишилась из-за каких-то сапог.

– Пожалуйста. – Олененок наклонила голову набок и поджала губы.

– Нет, не вынуждай меня повторять.

– Но мне так скучно! – Она резко вскочила.

– Тогда садись и шей себе приданое.

Она сверкнула глазами, и Олененок смиренно села обратно на стул. Рута собиралась: она подшила теплый жилет на меху, сложила в мешок хлеб с мясом и долго сидела над своими книгами с заметками. Ей предстояло большое путешествие, и ждать ее стоило не раньше вечера, но Олененку ужасно не хотелось сидеть одной взаперти.

– А что такое это приданое? – осторожно спросила она, когда Рута уже натягивала сапоги.

– Придет время – станешь невестой, а без приданого кто тебя возьмет?

– Не хочу невестой!

Олененок толком не понимала, зачем нужно было выходить замуж, но жить вдали от Руты с чужим мужчиной ей не хотелось.

– Значит, сиди тихо и никому не открывай. Ты поняла меня?

– Да, – угрюмо буркнула Олененок, рассматривая дерево на столе.

– А если будешь умницей, я принесу тебе что-нибудь интересное из леса.

– Как волшебные орешки из сказки? – Она заинтересованно подняла голову.

– Этого обещать не могу. – Рута улыбнулась и потрепала

ее по волосам. – До вечера, олененок. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю. – Она крепко обняла лесничую. – Я буду очень скучать.

Тяжелая дверь со скрипом закрылась, и она подбежала к окну. Шел мелкий снег, и на фоне облаков снежинки казались совсем темными, почти черными, как и косы Руты. Олененок прижалась лбом к стеклу и вглядывалась в удаляющийся силуэт, пока он не скрылся между деревьями.

Стекло запотело от дыхания, и она ткнулась в него носом, оставив отпечаток. Ей нравилось рисовать, писать выходило чуть хуже, но она старательно наблюдала за Рутой и долго возилась с пером, когда появлялась возможность. У Руты было не так много бумаги, и она берегла ее для записей, но если вдруг портила лист, то могла отдать его ей.

Сейчас, когда перед ней был почти холст, она забыла все, чему ее учила Рута, прикрыла глаза и задумалась. Мысли разбегались, и она кусала губы, стараясь вспомнить хоть что-то.

– Ваше высочество, перо нужно держать тремя пальцами, вот так. – Кто-то накрыл ее ладонь своей.

– Но мне неудобно!

– Попробуйте привыкнуть. Это очень важно, иначе вы посадите кляксу.

Собственная ладонь казалась ей очень маленькой, лист перед ней был украшен узорами по краям, а сверху, в самом

центре, ветвились оленьи рога, напоминающие корону.

– Правильно, а теперь напишите что-нибудь, например, свое имя.

Она опустила руку на бумагу.

Олененок громко вздохнула и проморгалась. Видение рассеялось, она снова была в доме Руты. За окном усиливался снегопад, серые тучи медленно плыли по небу. На запотевшем стекле отчетливо выделялся отпечаток носа, а под ним теперь было что-то еще. Олененок пригляделась: буква была написана довольно криво, но она сразу же узнала ее. Это была «Э».

Она еще долго всматривалась, стараясь поймать хоть что-то из ускользающих воспоминаний, но буква растворилась вместе с облаком пара. Олененок поежилась. Она чувствовала себя такой потерянной из-за того, что у нее не было прошлого. Будто она бродила в тумане из снов, а за ним ее, возможно, ждала мама.

Олененок часто пыталась вспомнить ее лицо, но перед ней возникал только образ Руты. Ей нравилось думать, что и мама была такой же нежной и заботливой, укладывала ее спать, заплетала волосы и читала сказки. А еще сильно-сильно ее любила и ждала домой.

Олененок не раз представляла, как расскажет, чему научилась. Когда книга оказывалась слишком сложной, а буквы беспорядочно плясали по бумаге, она думала, как обра-

дуются мама, узнав, какой старательной росла ее дочь. Тогда она глубоко вздохнула и бралась за дело снова. И снова, и снова. Пока не находила себе занятия интереснее.

Последнее время, когда она была вынуждена сидеть дома, Олененок придумывала, чем займется позже. Она планировала ловить снежинки языком, сделать себе шалаш из еловых веток, набрать как можно больше шишек и попробовать запрячь козу в санки.

Сначала коза пугала ее: белая, с маленькими злыми глазами и острыми рогами, она, казалось, могла наброситься в любой момент. Олененок осторожно и на расстоянии наблюдала за тем, как Рута доит ее. И только через некоторое время решилась подойти ближе и погладить.

Коза оказалась мягкой и теплой, и от прикосновений сама испуганно дрожала. Это показалось Олененку забавным, и она решила выбрать ей имя. В доме у Руты лежала большая книга, где объяснялось значение каждого имени, но сколько бы она ни листала страницы, она не смогла найти ни одного со значением «коза». Тогда она выбрала имя Агне, и оно значило «целомудренная». Такого слова она не знала, но решила, что для козы лучшего варианта не найти.

Руте это тоже понравилось. По крайней мере, так Олененку показалось, потому что лесничая рассмеялась и рассказала, что знает одну Агне, которая страшно оскорбилась бы, узнав о таком совпадении.

Олененок любила, когда Рута рассказывала о ком-нибудь.

Слушать эти истории было даже интереснее, чем сказки. Она ясно представляла себе вредного старого сапожника; восхищенно замирала на рассказах о танцорах, способных укрощать огонь; смеялась, слушая о ловких воришках, отвлекающих грузных знатных вельмож и обчищающих их карманы.

Ей и самой очень хотелось попасть на городской праздник и посмотреть на всех них, но Рута считала, это опасно. Сомневаться в словах лесничей нет причин – Олененок в это верила. Она всегда точно знала, что несет опасность, будь то ядовитый гриб, несъедобная ягода или место, где можно встретить охотников.

Сама Рута охотников не боялась, но она скорее была исключением из правила. Однажды, когда Олененок резко выпрыгнула из укрытия на козу с палкой в руках, та, громко звеня колокольчиком и сметая все на своем пути, бросилась прочь, сбив одну из перекладин ограды. Олененок смеялась до слез, но почему-то Рута не разделила ее радости.

Теперь, вспоминая об этом, она с восторгом поглядывала на санки и думала о том, какое развлечение можно устроить. Про ездовых коз Олененок никогда не слышала, в книгах писали о собаках, но она додумалась до этого сама и теперь страшно гордилась собой.

Олененок осмотрелась: впереди у нее был целый день и теперь она была в доме хозяйкой. Она деловито прошлась по комнате, стараясь держать спину, чтобы казаться еще выше. В печке стоял котелок с супом – Рута не разрешила его тро-

гать, потому что он был слишком тяжелым. Олененок только фыркнула, вспомнив об этом запрете. Куда больше ее интересовали пирожки с брусничным вареньем, но их, в отличие от бесполезного супа, Рута спрятала. Олененок считала эту ее привычку прятать все самое интересное – сладости, украшения, книги с необычными названиями и спицы с яркими нитками – вредной.

Она прошлась мимо книжной полки и провела рукой по корешкам: некоторые истрепались от времени, и иногда Рута проводила вечера, подшивая обложки и страницы. На пальцах остался слой пыли, и Олененок тут же вытерла ее о подол платья.

Половица скрипела под ногами, и она специально наступала на те доски, которые создавали больше всего шума, перепрыгивала с одной на другую. Внезапно что-то скрипнуло так громко, что Олененок вскрикнула и едва не упала.

Сердце часто стучало. Она замерла, боясь шелохнуться, и зажмурилась. Скрип повторился, и Олененок впилась пальцами в ладони. На мгновение все затихло, и вдруг за дверью кто-то громко кашлянул. Не помня себя от страха, она бросилась под стол.

Хриплый кашель раздался снова, и тяжелый кулак трижды ударил в дверь. Олененок прижала колени к груди и старалась не дышать. Гость должен был уйти, решив, что никого нет дома. Нужно было только чуть-чуть подождать.

– Рута, где ты там? Я же вижу свет в окне.

Олененок с ужасом посмотрела на свечу. Рута оставила ее, потому что могла вернуться уже затемно, а зажигать огонь было слишком опасным. И теперь эта свеча подписала ей смертный приговор.

– Рута, я принес сапоги, мне совсем не нравится с ними таскаться. А за встречу с Азуоласом ты просто обязана накормить меня как следует.

Сапоги. Больше Олененок не услышала ничего. Она так давно ждала их и теперь была как никогда близка к цели. Противоречивые чувства разрывали ее. Кашель и тяжесть шагов пугали, но голос был... обыкновенным. Совсем не таким, как у чудовищ из сказки. Олененок медленно вылезла из-под стола и нахмурилась.

– Рута, черт побери, тут вообще-то холодно.

Она осторожно подошла к окну и посмотрела на улицу: самого человека разглядеть она не могла, но в руке он держал сапожки. Красные, вышитые золотистыми цветами, с небольшим каблучком, который мог так смешно цокать по льду. Олененок едва сдержалась, чтобы не запищать от восторга. Они нужны были ей. Здесь и сейчас.

– Здравствуйте, – прошептала Олененок.

– Рута? – Голос за дверью теперь звучал удивленно.

– Нет, я не Рута, но эти сапоги, они мне. Вы не могли бы их отдать?

– Не Рута? Но кто?

– Э-это секрет. – Олененок уже пожалела о том, что связа-

лась со странным гостем. Она никак не ожидала, что он будет задавать столько вопросов. Но теперь пути назад не было.

– Хорошо, Секрет, пожалуй, я могу отдать тебе твои сапоги. Ты не откроешь мне дверь?

Олененок задумчиво почесала затылок: Рута не разрешала открывать дверь кому попало, но ведь здесь был особенный случай.

– Подождите минутку.

Она прошлась по комнате. Нарушать прямой запрет не хотелось, но и отказываться от сапог тоже. Олененок сверлила дверь взглядом. И почему она не могла открыться сама? Тогда она не ослушалась бы Руту и все равно получила бы свое. Внезапно ей в голову пришла идея, и она вприпрыжку бросилась к двери.

– Я не могу открыть, но вы можете! Рута хранит второй ключ под ступеньками, слева.

Олененок дрожала в предвкушении и облизывала губы – так ее взволновала собственная хитрость. На всякий случай она отошла на несколько шагов назад и встала за спинку стула. Отсюда она смогла бы сразу же разглядеть гостя и, если что, защитит себя: за печкой лежали веники для бани и большая кочерга.

Она неотрывно смотрела на дверь и все равно вздрогнула, крепко вцепившись ладонями в спинку стула, когда та отворилась. На пороге стоял господин: высокий, наверняка он оказался бы выше Руты, широкоплечий и... старый. Олене-

нок, услышав голос, подумала, что перед ней друг Руты, но никак не старик. Но сейчас она смотрела на длинную бороду и лохматые коричневые волосы, выбивавшиеся из-под капюшона, и не могла даже представить, сколько лет неожиданному гостю.

– Ну здравствуй, Секрет, – улыбнулся он и сразу же стал выглядеть моложе. – Я Йонас.

Олененок застенчиво опустила голову.

– Не бойся меня, я друг Руты. Вот, держи, это твои сапоги. – Он поставил их на стол и подвинул в ее сторону.

Олененку это понравилось: она не была готова подойти ближе, и Йонас это почувствовал.

– Я могу посидеть немного или мне лучше уйти?

– Оставайтесь, я вас накормлю.

Внезапно Олененок почувствовала себя очень важной. Она никогда прежде не принимала гостей: Рута боялась, что из-за этого могут быть проблемы. Но сейчас Олененок сама была хозяйкой в доме и не угостить Йонаса обедом просто не могла.

– Спасибо. – Он учтиво поклонился, и Олененок улыбнулась, заправив за ухо прядь волос.

Пока Йонас вешал плащ у двери, она подошла к котелку. К счастью, тот был еще теплым, ведь топить печь она не умела. И еще она не помнила, как именно Рута доставала горшки и котелки из печи. У нее была специальная палка, название которой Олененок никак не могла запомнить.

Она поднесла руку к котелку: он не обжигал кожу, так что она вполне могла бы достать его руками. Олененок обняла его и потащила на себя, но стоило ему оторваться от дна печи, как он всей тяжестью навалился на руки, и она потеряла равновесие.

Олененок вскрикнула. Золотистый суп струйками побежал по полу.

– Ты в порядке? – Йонас неожиданно оказался рядом.

– Н-нет. – Олененок едва держалась, чтобы не расплакаться. – Рута будет ругаться, она не разрешала мне его трогать, а я... – Она всхлипнула. – Я все испортила.

– Плохо дело, но я знаю, как тебе помочь.

– Правда? – Сквозь набежавшие слезы она взглянула на Йонаса: он стоял перед ней на корточках и смотрел так добродушно.

– Правда. Давай скажем, что это я его разлил? Ведь мне Рута не запрещала его трогать, значит, с меня и спрос меньше, верно?

– Верно. – Она шмыгнула и улыбнулась. Йонас придумал замечательный план. – Но... – Она снова нахмурилась. – Теперь я не смогу вас угостить.

– Хм, и действительно. Но мы можем подождать Руту, она обязательно что-нибудь придумает. Только пока нужно здесь прибраться. Ты знаешь, где лежит тряпка?

– Да, я сейчас все принесу!

Олененок подскочила. Йонас уже нравился ей. Он с такой

легкостью разбирался со всем и даже не ругался. Пусть он и был стариком, но одним из самых милых, что она видела.

Когда они убралась, Олененок уселась за столом напротив и уставилась на Йонаса. Он закатал широкие рукава, и теперь она видела, что его руки тоньше, чем показались ей, когда он только вошел. Карие глаза, совсем как у нее, мягко поблескивали в свете свечей.

– Так ты говоришь, что друг Руты? – с интересом спросила она. – Она мне про тебя не рассказывала.

– Да, мы давно знакомы. И не поверишь, но она мне про тебя тоже ничего не рассказывала. Кажется, Рута любит секреты. – Йонас хитро прищурился.

– Это точно! И прятать все интересное.

– Да, пожалуй. А откуда ты ее знаешь?

Рута предупреждала Олененка о том, что стоит говорить в таких случаях, но глупое слово вылетело у нее из головы. Такое длинное и сложное, похожее на половицу и поленницу. Олененок задумчиво провела пальцем по губам, поймав себя на мысли, что Рута снова отчитала бы ее за этот жест. И вдруг она вспомнила.

– Я ее пленница! – Она едва не подпрыгнула на стуле от радости, но Йонас почему-то нахмурился.

– Пленница?

– Ну да. – Она смутилась, испугавшись, что снова сказала не то. Ей совсем не хотелось выглядеть глупой. Но ведь Рута говорила именно об этом. – У тебя такой нет?

– Нет, я таким не занимаюсь. Так она держит тебя здесь взаперти?

– Да, но больше нет. Ты принес сапоги, и теперь все изменится, я столько всего придумала...

Она хотела рассказать ему про снежинки, шалаш из веток и козу, но внезапно дверь снова открылась. На пороге стояла лесничая.

– Рута. – Йонас резко поднялся. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

Юрате решительно шла по коридору. Она не верила своим ушам. Пусть Гантарас и не был приятен ей, но подозревать его в столь серьезном преступлении не хотелось. Юрате надеялась, это ошибка.

Тугой корсет сдавливал ребра, сердце часто билось. Пламя свечи колебалось от порывов холодного воздуха. Юрате поежилась. Она так торопилась, что забыла надеть теплую накидку. Вести застали ее, когда она уже собиралась ложиться спать. Почему-то все грязные и неприглядные дела происходили под покровом ночи. Юрате не любила это время.

Отъезд Арунаса не понравился ей с самого начала. Гантарас считал, это путешествие необходимо, но Юрате не была готова остаться в замке одна. Высокие холодные стены из светлого камня пугали. Разветвления коридоров напоминали лабиринт, в сердце которого пряталось чудовище. Юрате не хотела встречаться с ним лицом к лицу.

Она давно поняла, каким влиянием обладает Гантарас. Пусть он не сидел на троне, но его тихий голос сквозил в любом приказе, речи или приговоре. Юрате не могла и не хотела противостоять ему. Она всегда уважала мужчин и не вмешивалась в их дела. Все, чего она хотела, — быть достойной женой для своего короля. Прежде для этого было достаточно мягкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.